

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
 ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
 ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
 «ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА
 Кафедра уголовного права и процесса

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ
 В ГЭК И ПРОВЕРЕНО НА ОБЪЕМ
 ЗАИМСТВОВАНИЯ

И.о. заведующего кафедрой
 канд. юрид. наук,
 старший научный сотрудник
 В.В. Петров
 2017 г.

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
 ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

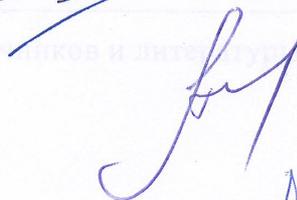
40.04.01 Юриспруденция
 Магистерская программа
 «Уголовное право, уголовный процесс»

Выполнил работу
 студент 3 курса
 заочной формы обучения

Голованов
 Николай
 Сергеевич

Научный руководитель
 канд. юрид. наук доцент

Пушкарёв
 Валерий
 Геннадьевич

Рецензент
 Заместитель прокурора
 Ленинского административного
 округа г. Тюмени
 младший советник юстиции

Соловьева
 Анна
 Александровна

г.Тюмень, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Список сокращений _____	3
Введение _____	4
Глава 1. Общие положения учения о противодействии экстремизму _____	12
1.1. Эволюция законодательства о противодействии экстремизму _____	12
1.2. Понятие и виды преступлений экстремистской направленности	26
1.3. Особенности противодействия преступлениям экстремистской направленности _____	36
Глава 2. Уголовно-правовая характеристика преступлений экстремистской направленности, предусмотренных главой 29 УК РФ _____	44
2.1. Общая характеристика объективных признаков составов преступлений экстремистской направленности, предусмотренных главой 29 УК РФ _____	44
2.2. Общая характеристика субъективных признаков составов преступлений экстремистской направленности, предусмотренных главой 29 УК РФ _____	57
2.3. Вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности, предусмотренных главой 29 УК РФ _____	67
Заключение _____	77
Список использованных источников и литературы _____	81

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Бюл. – Бюллетень

Бюл. ВС РФ – Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации

Ведомости СССР – Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР (Ведомости Верховного Совета СССР)

ВС – Верховный Суд

КС – Конституционный Суд

РГ – Российская газета

РФ – Российская Федерация

СЗ РФ – Собрание законодательства Российской Федерации

УК РФ – Уголовный кодекс Российской Федерации

УПК РФ – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В современных условиях, продолжающегося построения демократических основ в Российской Федерации, одной из центральных задач государства, является противодействие экстремистским проявлениям.

При этом постановка указанной задачи и отдельные механизмы ее разрешения находят свое отражение в основополагающих документах, принятых на самом высоком законодательном уровне.

В первую очередь следует отметить Основной закон – Конституцию РФ¹, которая уже в преамбуле указывает на неприятие борьбы, основанной на неравенстве. Ст. 13 Конституции РФ включает в себя нормы, запрещающие какое-либо политическое или идеологическое доминирование, а ст. 19 гласит, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения».

В 2002 г. был принят Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»², которым были определены правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности и установлена ответственность за ее осуществление.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. (далее – Стратегия до 2020 г.), экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, нашла свое отражение как один из числа основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности³.

¹ Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г.: по сост. на 21 июля 2014 г. // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. - № 237.

² О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ: по сост. на 23 ноября 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. - № 30. – Ст. 3031.

³ О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // Собрание законодательства Российской Федерации.

В целях конкретизации положений Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», и Указа Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» была разработана и принята в 2014 г. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года¹ (далее – Стратегия до 2025 г.), которая является основополагающим документом для федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления. Стратегия до 2025 г. определяет цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму с учетом стоящих перед Российской Федерацией вызовов и угроз и направлена на объединение усилий указанных органов, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в целях пресечения экстремистской деятельности, укрепления гражданского единства, достижения межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия, сохранения этнокультурного многообразия народов Российской Федерации, формирования в обществе обстановки нетерпимости к экстремистской деятельности и распространению экстремистских идей.

В числе основных угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности экстремистская деятельность находит свое закрепление и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2015 г.² (далее – Стратегия).

Особо следует отметить отражение особенностей противодействия преступлениям экстремистской направленности в рамках многочисленных норм, закрепленных в Уголовном кодексе РФ³ (далее – УК РФ).

– 2009. - № 20. – Ст. 2444. (утратил силу)

¹ Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г. № Пр-2753) / Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ». (дата обращения 21 апреля 2017 г.)

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. - № 1 (часть II). – Ст. 212.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: по сост. на 17 апреля 2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - № 25. – Ст.

Несмотря, на широкомасштабное по своим аспектам, законодательное регулирование противодействия преступлениям экстремистской направленности, на наш взгляд, в настоящее время продолжает оставаться бесспорным суждение С.В. Борисова, сказанное им еще в 2010 г., о том, что преступления экстремистской направленности, занимая все более заметное место в общей структуре преступности, в последние годы стали привычным явлением в жизни российского общества, состоящего из множества социальных групп, разделяемых между собой как национальной, либо расовой принадлежностью, так и религиозными, политическими и иными идеологическими предпочтениями¹.

Это связано с тем, что преступления экстремистской направленности в последние годы отмечены не только ежегодной динамикой, но и в достаточной степени высоким уровнем общественной опасности. Так, согласно статистических сведений ГИАЦ МВД России в 2012 г. было зарегистрировано 696 преступлений экстремистской направленности, (+11,9) по сравнению с аналогичным периодом, в 2013 г. – 896 (+28,7), в 2014 г. – 1034 (+14,3%), в 2015 г. – 1329 (+27,7%), в 2016 г. – 1450 (+9,1%) соответственно².

При этом следует констатировать тот факт, что установить их истинное количество, в силу ряда как объективных, так и субъективных обстоятельств, не предоставляется возможным. По мнению некоторых исследователей этому способствует активное распространение анализируемых преступлений, которое в первую очередь обусловлено расслоением российского общества на классы, порождающим социальное неравенство, распространением общественных объединений, пропагандирующих экстремизм³.

2954.

¹ Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства, теории и практики / С.В. Борисов: монография. – М.: Международный юридический институт, 2010. – С. 4.

² Состояние преступности за январь-декабрь 2016 г. // Официальный сайт МВД России [Элект. ресурс]. – Режим доступа: <https://mvd.ru> (дата обращения 28 апреля 2017 г.)

³ См.: Петрянин А.В. Аргументация ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности / А.В. Петрянин // Юридическая техника. Ежегодник. Третьи Бабаевские чтения: Юридическая аргументация: теория, практика, техника. – Нижний Новгород, 2013. - № 7. - Ч. 1. – С. 270.

Однако, на наш взгляд, не следует искать причины в самих преступлениях указанной категории. Отечественным исследователям и законодателю надлежит признать, что такое состояние, в первую очередь обусловлено, значительными пробелами в правовой регламентации различных аспектов ответственности за преступления экстремистской направленности, несмотря на имеющиеся разъяснения Верховного суда¹. Верно по данному аспекту пишет и ряд исследователей, указывая на то, что «...антиэкстремистское законодательство крайне противоречиво и разрешение ряда вопросов, на наш взгляд, относится к компетенции не Пленума Верховного Суда РФ, а законодателя»².

На наш взгляд, это обусловлено тем, что в правоприменительной практике по делам данной категории постоянно возникают различные трудности, а именно: в толковании отдельных признаков составов данных преступлений; в правовой оценке действий при сочетании различных мотивов их совершения; в разграничении преступлений экстремистской направленности между собой и их отграничении от иных уголовно наказуемых деяний и административных правонарушений и многие другие³.

В связи с вышеизложенным, следует констатировать об особой актуальности и практической значимости магистерской диссертации, ее проблемности, а также о необходимости выработки наиболее реальных предложений по совершенствованию уголовного законодательства и практики его применения в данной сфере.

¹ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (с изм. и доп. от 03 ноября 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. - № 8.

² См.: Бешукова З.М., Трахов А.И. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательного регулирования и правоприменения / З.М. Бешукова, А.И. Трахов // Общество и право. – Краснодар: Изд-во Краснодар. ун-та МВД России, 2013. - № 2 (44). – С. 78.

³ См. например: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 июля 2014 г. № 333-П13 / Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ». (дата обращения 03 января 2017 г.); Справка о судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности // Официальный сайт Добринского районного суда Липецкой области: [Элект. ресурс]. – Режим доступа: <http://dobrinsud.lpk.sudrf.ru>. (дата обращения 27 декабря 2016 г.)

Степень разработанности темы исследования. В отечественном уголовном праве проблемам уголовно-правовой борьбы с преступлениями экстремистской направленности посвящены научные труды: П.В. Агапова, Ю.М. Антоняна, С.В. Борисова, В.А. Бурковской, Л.Д. Гаухмана, В.В. Меркурьева, Ю.В. Голика, А.И. Гурова, А.Я. Гуськова, Г.В. Дашкова, С.У. Дикаева, А.И. Долговой, А.Э. Жалинского, М.Г. Жилкина, П.А. Кабанова, А.Г. Кибальника, М.А. Кириллова, В.С. Комиссарова, Т.А. Корнилова, С.М. Кочои, В.И. Красикова, А.П. Кузнецова, Н.Ф. Кузнецовой, В.Н. Кудрявцева, В.Д. Ларичева, Д.И. Леньшина, И.Д. Лопатина, В.В. Лунеева, С.В. Максимова, Ю.В. Марковой, А.Г. Никитина, А.В. Павлинова, Т.В. Пинкевич, А.В. Петрянина, Э.Ф. Побегайло, А.И. Рарога, В.В. Ревинной, Е.П. Сергуна, А.С. Скудина, Е.А. Смирнова, Р.С. Тамаева, Ю.В. Трунцевского, Р.М. Узденова, С.Н. Фридинского, А.Г. Хлебушкина, А.А. Хоровникова, В.Ф. Цепелева, Е.Г. Чуганова, П.С. Яни и др. Однако, несмотря на значительный вклад, указанных исследователей многие аспекты данной темы остаются, как не рассмотренными, так и имеют необходимость их исследования с учетом изменений вносимых законодателем.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является совокупность общественных отношений, связанных с законодательной регламентацией и практическим применением уголовно-правовых норм об ответственности за преступления экстремистской направленности.

Предмет исследования составляют специфические особенности преступлений экстремистской направленности, а также действующее уголовное законодательство Российской Федерации, практика применения норм об ответственности за указанные противоправные действия, монографическая и иная литература, посвященная теме исследования.

Цель и задачи исследования. Цель исследования состоит в том, чтобы на основе мнений, высказанных в доктрине уголовного права и современного отечественного уголовного законодательства, опубликованной и неопубликованной судебной практики разработать рекомендации по

правильному и эффективному применению норм об ответственности за преступления экстремистской направленности.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

- исследовать эволюцию законодательства о противодействии экстремизму;
- уточнить понятие и определить и виды преступлений экстремистской направленности;
- определить основные особенности противодействия преступлениям экстремистской направленности;
- дать характеристику объективным и субъективным признакам составов преступлений экстремистской направленности, предусмотренных главой 29 УК РФ;
- раскрыть особенности квалификации преступлений экстремистской направленности, предусмотренных главой 29 УК РФ.

Методология и методика исследования. Методологической основой исследования выступает в первую очередь диалектический метод познания окружающей действительности, а также совокупность приемов и способов познания данного явления общественной жизни, к числу которых относятся историко-правовой, сравнительно-правовой, логико-юридический, анализ документов.

Теоретической основой работы явились труды известных отечественных ученых по уголовному и административному праву, криминологии, философии, социологии и другим наукам юридического профиля, раскрывающим теоретические и практические проблемы исследуемой нами темы в рамках магистерской диссертации.

Нормативно-правовой базой исследования являются Конституция РФ, Уголовный кодекс РФ, законодательные и иные акты Российской Федерации, а также ведомственные нормативно-правовые акты.

Эмпирическую базу исследования составили постановления Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, официально

опубликованная практика Верховного Суда РФ и судов различных субъектов РФ, а также статистические данные МВД России и данные, полученные в результате анализа и обобщения 7 обвинительных приговоров, вынесенных судами г. Тюмени, Тюменской области, ХМАО-Югры, ЯНАО. Также в работе были использованы опубликованные статистические сведения других исследователей.

Научная новизна исследования. Научная новизна исследования состоит в том, что в нем предпринята попытка с учетом авторского интегративного подхода комплексного рассмотрения характерных особенностей преступлений экстремистской направленности, а также подготовленных на основе этого научно обоснованных предложений по совершенствованию правоприменительной практики.

Теоретическая и практическая значимость. Теоретическая значимость исследования состоит в том, что она способствует более глубокому и всестороннему изучению и разработке основных проблем темы исследования; позволяет расширить знания по данной проблеме, расширяет имеющийся опыт научного исследования проблем квалификации преступлений экстремистской направленности, что в совокупности представляется научной базой для последующих разработок. Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные в процессе проведенного исследования теоретические выводы и практические рекомендации, а также иные исследовательские материалы могут быть использованы в правоприменительной практике и учебном процессе.

Апробация результатов исследования. Магистерская диссертация выполнена и обсуждена на кафедре уголовного права и процесса Института государства и права Тюменского государственного университета. В ходе проведенного исследования, автором была опубликована научная статья: *«Понятия и виды преступлений экстремистской направленности» // Молодой ученый. – 2017. – № 46 (89). – с. 193-196.*

Структура магистерской диссертации. Структура магистерской работы обусловлены предметом и целью исследования. Она состоит из введения, двух глав, включающих шесть параграфов, заключения и библиографического списка (списка использованной литературы).

ГЛАВА 1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ УЧЕНИЯ О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ

1.1. Эволюция законодательства о противодействии экстремизму

Первые проявления экстремизма следует искать в зачатках возникновения государства и расслоения общества на классы. Именно появление государства породило легализацию власти меньшинства над большинством, приносящей материальные выгоды и возможности достижения целей всеми средствами, доступными на конкретном историческом этапе. Это обстоятельство и стало причиной возникновения круга «несогласных» с политикой и методами управления меньшинства, стоящего во главе данного института. По мнению В.А. Рогова, историю правовой регламентации антигосударственной (экстремистской) преступности следует вести от эпохи развитой государственности¹.

Непосредственно желание овладеть властью зачастую одобряет любые средства, применяемые экстремистами, – убийства, насильственное свержение государственного строя, террористические акции и т. п.

Применение радикальных методов и способов противостояния, безусловно, усиливает позиции экстремистов, подрывает авторитет власти и безопасность государства².

Сказанное позволяет констатировать, что экстремизм, как явление, всегда носит политический характер, что, с нашей точки зрения, и раскрывает одну из его концептуальных особенностей, которая апробирована на всех этапах развития государственности. Об этом, в частности, свидетельствует, с одной стороны, объективно закономерная, с другой – неразрывная взаимосвязь

¹ Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV – XVII вв. / В.А. Рогов. – М., 1995. – С. 90.

² См.: Петрянин А.В. Становление уголовной ответственности и регламентация наказания за преступления экстремистской направленности в России / А.В. Петрянин // Вестник Вологодского института права и экономики ФСИН России. – Вологда, 2011. - № 4. – С. 85.

увеличения количества экстремистских проявлений, как правило, в период обострения политических и социально-экономических противоречий. Например, П.А. Кропоткин считал, что терроризм в России как наиболее радикальная форма проявления экстремизма был порожден политической борьбой, происходящей на конкретном историческом этапе: «Он жил и умер. Он может вновь воскреснуть и вновь умереть»¹.

Вышеизложенное дает основание сделать вывод о том, что первоначально экстремизм использовался в качестве основного инструмента решения политических споров и способа удержания власти, что и легло в основу первой законодательной концепции противодействия действиям, содержащим в себе признаки экстремизма.

Исследование правовых памятников (Русской Правды и Псковской судной грамоты) свидетельствует, что приоритетами охраны закона были интересы правящих классов и государства².

К числу уголовно наказуемых деяний, непосредственно причиняющих ущерб указанным благам, относились: измена, восстание против князя, переход на сторону врага и т. п. В.В. Ревина указывает, что, кроме восстания против князя, Русская Правда выделяла норму об ответственности за убийство княжеских слуг, в том числе высшего и среднего «звена»; посягательство на жизнь указанных лиц рассматривалось как посягательство на княжескую власть³.

Подчеркивая особую опасность названных преступлений, законодатель устанавливал наиболее суровые виды наказаний за их совершение – вплоть до смертной казни.

По мнению А.В. Петрянина, анализ законодательных актов древнерусского государства, свидетельствует о наличии содержащихся в них признаков первой

¹ Кропоткин П.А. Записки революционера / П.А. Кропоткин. – М., 1990. – С. 266.

² Лоба В.Е., Малахов С.Н. Уголовное право Древней Руси XI-XII вв. (по данным Русской Правды) / В.Е. Лоба, С.Н. Малахов: монография. – Армавир: РИО АГПА, 2011. – С. 21.

³ Ревина В.В. Ретроспективный анализ уголовного законодательства, предусматривающего ответственность за преступления экстремистской направленности / В.В. Ревина // Российский следователь. – 2009. - № 14. – С. 45.

правовой концепции противодействия действиям, содержащим в себе экстремистские проявления, которая включала в себя следующие конструктивные признаки:

- во-первых, экстремизм рассматривался исключительно как политическое деяние;
- во-вторых – как представляющее непосредственную угрозу лишь государственной безопасности;
- в-третьих, наказание за осуществление вышеназванных преступлений характеризовалось высочайшим уровнем репрессивности¹.

Развитие следующей законодательной концепции в рассматриваемой области считаем целесообразным связать с кодификацией законодательства.

Первый кодифицированный правовой памятник Русского государства – Судебник 1497 года – закрепил принципы централизации суда и управления, что повлияло на укрепление позиций государственности. Впервые в истории России законодатель взял под охрану непосредственно государственную безопасность. Кроме этого, в результате попытки определения круга деяний, содержащих в себе признаки экстремизма, на законодательном уровне была подчеркнута приоритетность охраны государственного строя.

Так, прообраз нормы об ответственности за экстремистское преступление в Судебнике 1497 года можно установить в статье 9: «...крамольнику, ведомому лихому человеку... живота не дати, казнити его смертной казнью»². Лица, уличенные в совершении антигосударственных преступлений, подвергались пытке, причем признание вины не являлось основанием для освобождения от ответственности. В случае непризнания вины человеком после применения пытки его казнили.

¹ См.: Петрянин А.В. Эволюция российского законодательства об ответственности за экстремизм на территории древнерусского государства / А.В. Петрянин // Проблемы современного права и криминологии: материалы межвузовской научно-практической конференции. 20 апреля 2004 г.: Сборник статей. – М.: Гуманитарный институт (г. Москва), 2004. – С. 60.

² Памятники русского права / под ред. Л.В. Черепнина. – М., 1995. - Вып. 3: Судебник 1497 года. – С. 347.

Сущностью рассматриваемой законодательной концепции стала попытка систематизации и унификации преступлений, содержащих в себе признаки экстремизма, а также усиление карательного воздействия на виновных в целях повышения качества предупредительного воздействия.

Следующий исторический этап развития законодательной концепции в области противодействия преступлениям экстремистской направленности напрямую связан со становлением царской России.

Непосредственно правовым источником Российского государства данного периода, закрепившим уголовную ответственность за государственные преступления, стал Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича 1550 года. При его составлении за основу был взят Судебник 1497 года, и была сохранена ранее заложенная концепция в исследуемой области. Так, например, пункт 61 Судебника, устанавливавший ответственность за убийство государственного служащего, предписывал: «...государьскому убойце, коромольнику... живота не дати, казнити смертною казною»¹. Как видим, санкция, указанная в норме, являлась безальтернативной. Отсутствие выбора при назначении наказания за совершение анализируемого преступления, в основу которого могли быть положены мотивы и цели, свидетельствовало об особой репрессивности наказания.

Происходившие в стране события требовали от власти пересмотра концепций, определяющих внутреннюю и внешнюю политику Российского государства, результатом которого стало принятие Соборного уложения 1649 г.

Это первый кодифицированный нормативный правовой акт в области уголовного права. В нем была закреплена целая система норм, взявшая под охрану государственные интересы.

Их анализ показал, что к преступлениям, содержащим в себе признаки экстремизма, в первую очередь относились бунт, заговор и измена².

¹ Цит. по: Чернявская Т.А. Законодательные памятники России до 1917 года / Т.А. Чернявская: учебно-методическое пособие. – Н. Новгород, 1995. - Ч. 1. – С. 29.

² См.: Наумов А.В. Российское уголовное право / А.В. Наумов: курс лекций: в 3 т. 4-е изд., перераб. и доп. – М., 2007. - Т. 3: Особенная часть (главы 11-21). – С. 290.

Экстремистские действия были систематизированы во второй главе Уложения «О государьской чести и как его государьское здоровье оберегать», содержащей нормы о государственных и политических преступлениях.

Следующий этап развития законодательной концепции в области противодействия экстремизму был связан с реформаторской деятельностью Петра I. В рассматриваемый период действовали два основных нормативных правовых акта, регулирующих весь спектр общественных отношений в России: Артикул воинский Петра I 1715 года и Морской устав, вступивший в действие в 1720 году, содержащий в себе свод морских военно-уголовных законов¹. Указанные документы впервые закрепили законодательное определение верховной власти.

Законодательство Петра I продолжало развитие направления по ужесточению ответственности за совершение преступлений, посягающих на безопасность государства. Причем Артикул воинский устанавливал одинаковые наказания всем лицам, причастным к преступлению, независимо от степени их виновности.

Непосредственно самыми тяжкими преступлениями против государственной безопасности традиционно являлись измена и бунт. Названный источник делил все преступления на две основные группы: государственные и другие.

Именным царским указом от 25 января 1715 года был определен круг государственных преступлений, к которым относились: а) всякий злой умысел против персоны его величества или измена; б) возмущения или бунт².

Охране государственного строя была посвящена глава XVII Артикула воинского «О возмущении, бунте и драке».

В соответствии с артикулом 137 бунт и возмущение карались только смертной казнью без возможности помилования. Причем эта норма четко

¹ Памятники русского права: Законодательные акты Петра I, первая четверть XVIII в.. Вып. 8 / Сост.: Дурманов Н.Д., Иванов С.С., Софроненко К.А., Чистяков О.И.; Под ред.: Софроненко К.А. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 325.

² См.: Российское законодательство X-XX веков: в 9 т. – М., 1987. - Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма. – С. 314.

определяла состав государственного преступления, к которому относились бунт, возмущение и упрямство. Целью применения нормы являлось устрашение бунтовщиков путем применения к ним крайних репрессивных мер: «...винных на месте и в деле самом наказать и умертвить»¹.

Кроме того, Артикул воинский устанавливал ответственность не только за сопротивление представителям власти, но и за уничтожение или порчу государственных указов и распоряжений.

По мнению А.В. Петрянина, законодательство Петра I дает нам основание для выделения следующих его концептуальных особенностей в области противодействия экстремизму:

- во-первых, действия, содержащие в себе признаки экстремизма, были выделены в отдельную группу государственных преступлений, что указывает на очередную попытку их систематизации;

- во-вторых, законодательно закреплена дифференциация виновных, с выделением в отдельную группу лиц, совершивших антигосударственные преступления, в целях повышения качества уголовно-правового преследования, как непосредственных исполнителей, так и их соучастников;

- в-третьих, в отличие от ранее существовавшей концепции, исключена возможность назначения дополнительных и смешанных видов наказаний;

- в-четвертых, нормативно закреплён запрет на убийство лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, в момент их задержания².

Непосредственно следующим правовым документом, закрепляющим соответствующий комплекс уголовно-правовых норм, стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года (в ред. 1885 гг.). По мнению некоторых исследователей, этот документ учитывал и классифицировал

¹ Там же. – С. 379.

² Петрянин А.В. Развитие норм российского, международного и зарубежного законодательств об ответственности за преступления экстремистской направленности / А.В. Петрянин: монография. – Н. Новгород. 2012. – С. 27.

преступления, проступки и соответствующие им наказания, при этом поставив на первое место действия против государства¹.

Ответственности за преступления, посягающие на безопасность государства и содержащие в себе признаки экстремистских проявлений, посвящалась глава под названием «Государственные преступления». Такое расположение статей в Уложении предопределяло, что объектом этой группы преступлений выступали общественные отношения, обеспечивающие стабильность государственного устройства.

На смену Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года пришло Уголовное уложение 1903 года, которое продолжило ранее заложенную концепцию в борьбе с экстремизмом. Оно содержало самостоятельный раздел «О государственных преступлениях», посвященный непосредственной охране государственных интересов. Одной из причин его выделения стали постоянно нарастающие акции политического террора в период первой буржуазно-демократической революции².

В целом, уголовное законодательство царской России было построено на принципах лидерства императора. Именно поэтому к действиям экстремистской направленности относились лишь те, которые создавали непосредственную угрозу безопасности императора или его окружению. По этой причине другие преступления, содержащие в себе признаки экстремизма, к таковым не относились. По мнению А.В. Петрянина, это и повлекло их широкомасштабное распространение на исследуемом историческом этапе³.

¹ См.: Дудырев Ф.Ф. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и идейно-политическая борьба в России в 30-е - 40-е годы XIX века // Вестник Саратовской государственной академии права. – Саратов: Изд-во СГАП, 2009. - № 6 (70). – С. 120.

² См.: Петрянин А.В. Регламентация уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности в России в период действия уголовного уложения 1903 г. / А.В. Петрянин // Уголовный закон в развитии: Сборник научных статей / Отв. ред. В.И. Тюнин. – СПб.: Изд-во СПб ГУЭФ, 2011. – С. 158.

³ См.: Петрянин А.В. Гносеологические предпосылки возникновения и развития законодательной концепции в области противодействия действиям, содержащим в себе признаки экстремизма, в России / А.В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – Н. Новгород, 2015. - № 1 (29). – С. 161.

Однако совершенно новым этапом развития законодательных концепций в области борьбы с экстремизмом стало сотрудничество России с другими странами. Так, 1 марта 1904 года в Петербурге было подписано международное соглашение по борьбе с революционными движениями и терроризмом между Россией, Австрией, Болгарией, Германией, Данией, Румынией, Сербией, Турцией и Швецией.

Основной целью такого сотрудничества стало повышение охраны государственных строев государств-участников от анархистов¹. Реализация такого подхода в области противодействия различным формам экстремистских проявлений указывает на то, что мировое сообщество уже на исследуемом нами этапе осознает угрозу экстремизма не только для отдельно взятых государств, но и в целом для всей международной безопасности.

Дальнейшее межгосударственное сотрудничество, направленное на борьбу с различными формами экстремистских проявлений, прервалось после Октябрьской революции 1917 года ввиду невозможности совместной деятельности с государствами, не поддерживающими идеи коммунизма и социализма.

К числу первых документов, содержащих новую законодательную концепцию противодействия преступлениям экстремистской направленности, можно отнести обращение Председателя СНК В.И. Ленина 5 ноября 1917 года. В нем говорилось о необходимости беспощадного подавления попыток анархии, в том числе со стороны контрреволюционных юнкеров: «Арестуйте и передавайте революционному суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу или саботировать!»².

В 1918 году были предприняты меры по определению того, что следует относить к контрреволюционным преступлениям. В Постановлении ВЦИК от 5 января 1918 года «О признании контрреволюционным действием всех попыток

¹ См.: Яковлев Л.С. Историко-правовые аспекты борьбы с терроризмом в дореволюционной России / Л.С. Яковлев: учебное пособие. – М., 2005. – С. 24.

² Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров В.И. Ленина 5 ноября 1917 года // Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917-1952 гг. / Под ред. И.Т. Голякова. – М., 1953. – С. 11-12.

присвоить себе функции государственной власти» формулировалось правило, в соответствии с которым «всякая попытка со стороны кого бы то ни было, или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваться как контрреволюционное действие»¹.

Основываясь на вышеизложенном, к контрреволюционным преступлениям можно было отнести, по сути, любое деяние, направленное на присвоение функций государственной власти.

Неопределенность признаков и критериев отнесения тех или иных деяний к контрреволюционным, безусловно, не способствовала эффективности противодействия указанным преступлениям². Постановление оставило без внимания и вопрос о видах и размерах наказаний, что, с нашей точки зрения, делало данный нормативный правовой акт в целом неэффективным и пробельным.

В целях организации борьбы с контрреволюционными преступлениями 4 мая 1918 года был принят Декрет СНК «О революционном трибунале»³, в результате чего они были сохранены лишь в крупных центрах (в столицах, губернских городах, на крупных узловых станциях и в промышленных центрах). Таким образом, в данный период, хотя законодательство еще не было кодифицированным, значительное количество нормативных правовых актов, повлекла за собой снижение экстремистских проявлений.

Непосредственно первым советским законодательным актом, систематизирующим уголовно-правовые нормы, стал Уголовный кодекс РСФСР, который вступил силу с 1 июня 1922 г.⁴, что и ознаменовало собой новый этап

¹ О признании контрреволюционным действием всех попыток присвоить себе функции государственной власти: Постановление ВЦИК от 5 января 1918 г. // Собрание узаконений РСФСР. – 1918. - № 14. – Ст. 202. (утратило силу)

² См.: Петрянин А.В. Особенности уголовной ответственности и наказания за преступления экстремистской направленности в период становления Советского государства / А.В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – Н. Новгород, 2012. - № 17. – С. 82.

³ Декрет СНК «О революционном трибунале» от 04 мая 1918 г. // Собрание узаконений. – 1918. - № 28. – Ст. 362.

⁴ Уголовный кодекс РСФСР 1922 года // Сборник документов по истории уголовного

формирования законодательной концепции в области противодействия экстремизму. Основу концепции по противодействию экстремизму составляла ст. 57, закрепившая понятие контрреволюционных преступлений.

Дальнейшее развитие законодательной концепции в области противодействия экстремизму находилось в непосредственной связи с изменениями, происходящими в экономической, социально-политической и культурной сферах.

Важной вехой этого этапа стало принятие ЦИК СССР 25 февраля 1927 года «Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка управления)»¹. В статье 1 Положения фиксировалось понятие контрреволюционных преступлений, отличное от ранее действовавшего, что, с нашей точки зрения, и открывает новый этап исследуемого противодействия.

Эта норма определила признаки контрреволюционных преступлений, которые с полным основанием можно трактовать как экстремистские. К ним, в частности, относились действия, направленные на свержение, подрыв или ослабление власти рабоче-крестьянских Советов, на подрыв или ослабление внешней безопасности СССР.

Новый Закон «Об уголовной ответственности за государственные преступления» был принят 25 декабря 1958 г.². Он не предусматривал значительных изменений старых норм, речь шла лишь о некотором уточнении их редакции, что в целом не меняло ранее разложенных законодательных основ в рассматриваемой области.

Однако, по мнению некоторых исследователей, в рамках анализируемого нормативного акта впервые в истории развития уголовного законодательства была представлена новая концепция в области противодействия наиболее

законодательства СССР и РСФСР 1917–1952 гг. / под ред. И.Т. Голякова. – М., 1953. – С. 116. (утратил силу)

¹ Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления): постановление ЦИК СССР от 25.02.1927 г. // Собрание законов СССР. – 1927. - № 12. – Ст. 123. (утратило силу)

² Об уголовной ответственности за государственные преступления: закон СССР от 25.12.1958 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1958. - № 1. – Ст. 8. (утратил силу)

радикальной форме проявления экстремизма – терроризму¹. Так, первая глава упомянутого Закона «Особо опасные государственные преступления» включала в себя две самостоятельные разновидности террористического акта, основными отличительными признаками которых являлись характеристики потерпевшего и цель совершаемого действия.

В рамках ст. 3 УК РСФСР 1960 г.² к таковым относились государственные или общественные деятели, представители власти. При этом для признания акта террористическим необходимо было установить, что он совершен в целях подрыва или ослабления советской власти.

Принятие Уголовного кодекса РСФСР 1960 года не предопределило становление нового этапа развития уголовного законодательства России в области противодействия преступлениям экстремистской направленности и соответственно формирование новой концепции.

Действия, содержавшие в себе признаки экстремизма, размещались в первой главе Особой части этого Кодекса и относились к категории особо опасных государственных преступлений.

Нормы, включенные в эту главу, полностью дублировали статьи Закона от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления». Поэтому УК РСФСР 1960 года в целом не содержал каких-либо новелл в исследуемой нами области.

В 90-х годах Российская Федерация пережила серьезные изменения в экономической и социальной сферах. В основу политической деятельности были положены не общегосударственные, а национальные интересы. Именно они представляли основу программ, активно развивающихся в тот момент общественных объединений. Так, принятый 2 апреля 1990 года Закон СССР «Об

¹ См.: Петрянин А.В. Особенности уголовной ответственности за преступления экстремистской направленности в советский период (на примере Закона от 25 декабря 1958 года «Об уголовной ответственности за государственные преступления» и Уголовного кодекса 1960 года) / А.В. Петрянин // Проблемы юридической науки в исследованиях докторантов, адъюнктов и соискателей: Сборник научных трудов / Под ред. М.П. Полякова и М.А. Пшеничникова. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2012. - Вып. 18. – С. 69.

² Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. - № 40. – Ст. 591. (утратил силу).

усилении ответственности за посягательство на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР»¹ также содержал в себе правовые основы, запрещающие деятельность, направленную на возбуждение национальной или расовой, религиозной вражды или розни.

В 1996 году был принят новый УК РФ. Первоначально он традиционно включал ряд норм о преступлениях, содержащих признаки экстремизма (ст. 205 УК РФ «Терроризм», ст. 280 УК РФ «Призывы к осуществлению экстремистской деятельности» и т. п.). Позже в нем появились новые нормы, непосредственно устанавливающие ответственность за преступления экстремистской направленности (например, ст.ст. 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ). Все они составили правовую основу законодательной концепции противодействия экстремизму².

Непосредственно ключевой из указанных выше норм является, на наш взгляд, ст. 282.1 УК РФ, в которой законодатель впервые дал определение понятия преступления экстремистской направленности. Кроме того, диспозиция рассматриваемой статьи содержала в себе указание на специфическую мотивацию экстремистского преступления (идеологические, политические, расовые, национальные или религиозные мотивы, а также ненависть либо вражда) и исчерпывающий перечень этих деяний. Такой подход был новым для современного уголовного законодательства. Закрепление в статье исчерпывающего перечня преступлений, с одной стороны, упрощало применение закона, а с другой – исключало возможность рассмотрения иных деяний, совершенных с данной мотивацией, как экстремистских.

Однако перечень преступлений экстремистской направленности указывал на несогласованность положений принятого в 2002 г. Закона «О противодействии экстремистской деятельности» и норм УК РФ, что порождало дискуссии и противоречия, как в науке, так и в практической деятельности

¹ Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР: закон СССР от 2 апреля 1990 г. № 1403-1 // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. – 1990. - № 15. – Ст. 247.

² См.: Евдокимова Т.Л. Формирование законодательных основ противодействия экстремизму / Т.Л. Евдокимова // Власть. – 2009. - № 9. – С. 97.

правоохранительных органов, поскольку для раскрытия признаков экстремизма необходимо было обращаться не только к положениям Федерального закона № 114-ФЗ, но и УК РФ.

Противоречивый характер ранее принятых положений требовал внесения изменений в Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» в целях выработки наиболее универсального понятия экстремизма. Однако соответствующие коррективы вносились в основном в УК РФ. В частности, в Федеральном законе от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ¹ излагается новая редакция диспозиции статьи 282.2 УК РФ и примечания к ней, где дается иное определение преступления экстремистской направленности.

Наряду с этим из вышеупомянутой нормы УК РФ исключается исчерпывающий перечень таких деяний, но оставлено указание на их мотивы. Таким образом, законодатель привел положения, закрепленные в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», в соответствие нормативным установлениям УК РФ, что сегодня и составляет основу законодательной концепции противодействия преступлениям экстремистской направленности.

Вышеизложенное позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Экстремизм как социально-политическое явление появилось до появления термина, обозначающего его. Изучение законодательных концепций в области противодействия экстремизму, существовавших на различных этапах становления российской государственности, показало, что уголовная ответственность за преступления, содержащие признаки экстремизма, возникла с момента образования Российского государства и появления первых правовых памятников. При этом они всегда обладали следующими смысловыми признаками: а) политическая мотивация; б) объект посягательства – государственная безопасность.

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму: Федеральный закон от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ: по сост. на 25 февраля 2014 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2008. - № 19.

2. Ретроспективный анализ генезиса норм, устанавливающих ответственность за преступления экстремистской направленности, возможность условно определить несколько этапов становления и развития законодательной концепции в области противодействия действиям, содержащим признаки экстремизма. При этом следует с тем, что до принятия Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» в нашей стране был уже создан законодательный фундамент противодействия экстремизму. В данных нормативно-правовых актах, как правило, указывалось на необходимость разработки мер, направленных на предупреждение и устранение причин и условий, способствующих обнаружению различных форм экстремизма, но не был разработан механизм противодействия противоправным действиям экстремистского характера.

3. На протяжении развития уголовного законодательства в области борьбы с криминальными формами экстремистских проявлений основным фактором, отрицательно влияющим на качество противодействия преступлениям экстремистской направленности, является отсутствие четкого определения конструктивных признаков этих деяний, позволяющих идентифицировать их и отличать от смежных преступлений. Предпринимаемые на различных исторических этапах попытки систематизации преступлений экстремистской направленности указывают на актуальность этого направления и сегодня в целях определения их исчерпывающего перечня.

1.2. Понятие и виды преступлений экстремистской направленности

К числу основных проблем совершенствования законодательства в области противодействия преступлениям экстремистской направленности, по нашему мнению, непосредственно относится вопрос о том, что следует понимать под

преступлениями экстремисткой направленности и какие преступления к ним относятся.

Принимая во внимание вышеизложенное и основываясь на том, что сам законодатель при конструировании УК РФ использовал технико-юридический прием распределения норм закона по разделам и главам, где основанием их разделения служит родовой и видовой объект преступления, следует констатировать необходимость дальнейшей систематизации норм уголовного закона, направленных на противодействие экстремизму, в рамках существующих глав, в соответствии с уже выработанными наукой уголовного права объектами посягательства.

В науке уголовного права ученые, исследующие проблемы противодействия преступности, также затрагивают вопросы и унификации уголовного антиэкстремистского законодательства, предлагая при этом различные подходы к ее реализации.

Так, например, по мнению В.А. Бурковской, ст.ст. 282.1, 282.2, а также ст. 239 УК РФ содержат в себе трудно разграничиваемые составы преступлений, что, с ее точки зрения, предполагает необходимость их унифицирования путем устранения ст.ст. 282.1 и 282.2 УК РФ и внесения соответствующих изменений и дополнений в ст. 239 УК РФ¹.

Соглашаясь с автором о необходимости унификации всего существующего антиэкстремистского законодательства, отметим, что это будет являться условием создания целостной его системы.

А.В. Павлинов, осознавая значимость затронутой проблемы, предлагает следующий авторский подход по наполнению содержания главы 29 УК РФ. По его мнению, она должна включать в себя преступления, ответственность за которые предусмотрена ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 208, 278, 279, 280, 282 УК РФ².

¹ Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия / В.А. Бурковская: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2006. – С. 344.

² Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты / А.В. Павлинов: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008. – С. 275.

В целом, разделяя мнение автора о необходимости систематизации и унификации исследуемых деяний, следует отметить, что:

- во-первых, предлагаемый перечень не охватывает всех деяний, которые должны быть включены в эту группу (например, таких, которые предусмотрены в ст. 206, 207, 212, 239 УК РФ и иных, исходя из предложенного нами перечня);

- во-вторых, декриминализация ст.ст. 282.1 и 282.2 УК РФ не решит проблем борьбы с экстремизмом, а лишь усложнит их.

Исключая данные статьи из УК, считаем, что целесообразно на их основе создать более совершенные унифицированные уголовно-правовые нормы.

Р.М. Узденов, поддерживая мнение о необходимости унификации норм, расположенных в главе 29 УК РФ, критикует излишнее выделение двух самостоятельных составов преступлений, закрепленных в ст.ст. 282.1 и 282.2 УК РФ¹.

Автором данной концепции предлагается исключить из уголовного закона ст. 282.2 УК РФ, а на основе ст. 282.1 УК РФ создать единую норму, устанавливающую ответственность за организацию экстремистской организованной группы или экстремистского сообщества (организации).

По мнению А.В. Петрянина, что унификация норм, регламентирующих ответственность за преступления экстремистской направленности, представляет собой разновидность систематизации путем сокращения этих норм, через обеспечение определенного их тождества, в первую очередь основанного на особенностях объекта посягательства (общественная безопасность, конституционный строй, мир и безопасность человечества) и мотивации преступного поведения (совершение преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы), в целях приведения их к единообразию и повышения эффективности их применения².

¹ Узденов Р.М. Экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы противодействия / Р.М. Узденов: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 183.

Существующие сегодня системы этих деяний неоднозначны и порождают массу споров, так как носят разрозненный и без системный характер, направлены лишь на непосредственное обоснование видения конкретной авторской позиции.

Нет ясности в этом вопросе и у законодателя. Так, например, в рамках действующего российского уголовного законодательства были реализованы два отличительных друг от друга подхода, определяющих содержание преступлений экстремистской направленности.

Первый из них нашел свое отражение в УК РФ в процессе криминализации преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества», диспозиция которой включала в себя исчерпывающий перечень преступлений экстремистской направленности. Такой подход породил массу дискуссий как среди ученых, так и правоприменителей.

Редакция ст. 282.1 УК РФ от 24 июля 2007 г., кардинально изменила существующий до этого подход к определению исследуемой группы преступлений.

Перечень деяний, входящих в рассматриваемую группу, был исключен из диспозиции статьи. Вместо этого в ст. 282.1 УК РФ появилось примечание 2, содержащее в себе легальное определение преступления экстремистской направленности, включившее в себя исключительно мотивацию преступного поведения.

Таким образом, круг преступлений экстремистской направленности стал практически неограниченным. В настоящее время к ним может быть отнесено любое деяние, закрепленное в Особенной части УК РФ, совершенное по мотиву политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

² Петрянин А.В. Аргументация ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности / А.В. Петрянин // Юридическая техника: Ежегодник. № 7, часть 1 «Юридическая аргументация: теория, практика, техника». Сборник статей. – Н. Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2013. – С. 270.

Многие исследователи поддерживают реализованный законодательный подход, отмечая, что это вынужденная мера законодателя, поскольку многообразные проявления экстремистской деятельности стали реальной угрозой для безопасности общества и государства в целом¹.

Отчасти понимая бесперспективность развития этого направления, в рамках деятельности правоохранительных органов предпринимаются попытки определения четкого их перечня.

В соответствии с приказом Генерального прокурора РФ от 19 ноября 2009 года № 362 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности»² к рассматриваемой группе преступлений предлагается относить закрытый перечень деяний, при условии, если они совершены по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Кроме того, существует Указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 1 февраля 2016 г. № 65/11/1 «О введении в действие Перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности»³, содержащее две самостоятельные группы, включающих в себя действия, непосредственно относящиеся к экстремистским.

Анализ положений, закрепленных в упомянутом Указании Генпрокуратуры и МВД России, позволяет констатировать, что, во-первых,

¹ См., напр.: Вайле С.П. Экстремизм в современной России: тенденции и перспективы / С.П. Вайле // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2015. – Вып. 1 (19). – С. 59; Кряжев В.С. Взгляд на проблему борьбы с терроризмом и экстремизмом с учетом современных реалий / В.С. Кряжев // Российский следователь. – 2016. - № 2. – С. 35; Саркисов Д.Н. Уголовно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности / Д.Н. Саркисов: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2010. – С. 12, и др.

² Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о противодействии экстремистской деятельности: приказ Генпрокуратуры РФ от 19 ноября 2009 г. № 362 / Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ». (дата обращения 11 апреля 2017 г.)

³ О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: указание Генеральной прокуратуры РФ и МВД России от 1 февраля 2016 г. № 65/11/1 / Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ». (дата обращения 05 мая 2017 г.)

система преступлений экстремистской направленности, изложенная в нем, является весьма условной; во-вторых, группы преступлений экстремистской и террористической направленности, входящих в нее, не соответствуют нормативным установлениям, отраженным в примечании 2 к ст. 282.1 УК РФ и в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности». Все это дает нам основание сделать вывод о том, что предпринятая попытка определить систему экстремистских деяний и их исчерпывающий перечень является явно неудачной, так как не дает возможности оценить всего многообразия современного экстремизма.

Проблема систематизации преступлений экстремистской направленности на нормативном уровне, на наш взгляд, главным образом, связана с неопределенностью самого законодателя относительно содержания критериообразующих признаков рассматриваемой группы преступлений и отсутствием легального определения таких дефиниций, как «экстремизм» и «экстремистская деятельность», о чем нами говорилось уже неоднократно.

В доктрине также нет единства во мнениях в вопросе определения системы исследуемых деяний. В научных изысканиях существует бесчисленное количество предлагаемых классификаций, в основу которых положены различные критерии.

Первая группа ученых пытается обосновать выделение особой системы преступлений экстремистской направленности, основанной на критериях, заложенных в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности», а также мотивации, закрепленной в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, на основании которых предлагается определенный перечень этих деяний¹.

¹ См.: Безроков А.О. Преступления экстремистской направленности: уголовно-правовой анализ и вопросы систематизации / А.О. Безроков: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2014. – С. 45; Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности / С.В. Борисов, А.В. Жеребченко: монография / Отв. ред. С.В. Борисов. – М.: Юриспруденция, 2015. – С. 73; Скудин А.С., Ларичев В.Д., Варанкина Ю.С. Правовые меры противодействия экстремизму / А.С. Скудин, В.Д. Ларичев, Ю.С. Варанкина: монография. – М., 2012. – С. 67; Гриненко А.В. Понятие и классификация преступлений экстремистской направленности / А.В. Гриненко // Российская юстиция. – 2012. - № 3. – С. 32.

Предлагаемая система основывается на комбинированном подходе, который учитывает не только действия, указанные в авторском перечне, но и все иные, совершенные по соответствующим мотивам.

Полагаем, что потребность выделения конкретных видов преступлений экстремистской направленности в данном случае выглядит дискуссионно, поскольку они, как и вторая предлагаемая группа, основаны исключительно на экстремистской мотивации.

Вторая группа ученых предлагает альтернативные подходы при определении исследуемой нами системы преступлений и следующие классификации преступлений экстремистской направленности.

Первая должна включать такие из них, которые посягают на различные сферы общественных отношений:

а) действия, непосредственным объектом которых являются конституционные права и свободы человека и гражданина (ст.ст. 136, 148, 149 УК РФ);

б) действия, непосредственным объектом которых выступает общественная безопасность (ст.ст. 205, 205.1, 208 УК РФ);

в) действия, посягающие на общественный порядок (ст.ст. 212, 213, 214 УК РФ);

г) действия, направленные на общественную нравственность (ст.ст. 243, 244 УК РФ);

д) действия, непосредственным объектом которых выступают основы конституционного строя и безопасности государства (ст.ст. 278, 279, 280, 282.1, 282.2 УК РФ)¹.

В отличие от изложенных выше точек зрения, в основу анализируемой систематизации положен не мотив, а объект посягательства. Однако дискуссионным представляется выделение в качестве основных

¹ См.: Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование) / С.Н. Фридинский: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2011. – С. 9.

непосредственных объектов экстремистских деяний таких общественных отношений, как общественная нравственность

Выделение лишь только объекта посягательства не будет являться достаточным основанием для формирования системы преступлений экстремистской направленности.

Это были два наиболее распространенных подхода, существующих в уголовно-правовой доктрине, в целом имеющие существенное значение в области дальнейшего формирования законодательной концепции в области противодействия экстремизму.

Исследовав законодательные и доктринальные подходы к определению преступлений экстремистской направленности, с учетом нашего видения, полагаем, что в основу систематизации указанных деяний должны быть положены два неразрывных между собой критериобразующих признака, в целом и представляющих содержание антиэкстремистской концепции, – это видовой объект и мотив посягательства.

Это и будет отражать непосредственную сущность современного экстремизма.

На основании вышеизложенного, предлагаемая нами система должна выглядеть следующим образом:

1) преступления, причиняющие вред общественным отношениям, обеспечивающим охрану общественной безопасности России (ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207, 208, 212 УК РФ);

2) действия, посягающие на общественные отношения, регулирующие нормальное функционирование конституционного строя Российской Федерации (ст.ст. 239, 277, 278, 279, 280, 280.1, 28.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ);

3) действия, наносящие ущерб общественным отношениям, устанавливающим легитимные условия сохранения мира и безопасности человечества (ст.ст. 354.1, 357, 360 УК РФ).

Наряду с этим предлагаем изложить примечание 1 ст. 282.1 УК РФ в следующей редакции: «Под преступлениями экстремистской направленности в

настоящем Кодексе понимаются преступления, предусмотренные ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280.1, 281, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 354.1, 357, 360 УК РФ».

Вышеизложенные аргументы позволяют утверждать, что преступления, основанные лишь на мотивации политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо на мотивах ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, в связи с тем, что их непосредственный объект не связан с общественной безопасностью, конституционным строем, а также и миром и безопасностью человечества, не могут признаваться преступлениями экстремистской направленности. Это дает нам основание для выделения самостоятельной группы деяний, основанной на наличии в действиях виновного отягчающего вину признака, указанного в пункте «е» части 1 статьи 63 УК РФ.

Полагаем, что к данной группе могут быть отнесены следующие преступления, содержащие в себе соответствующий признак: п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ; п. «е» ч. 2 ст. 111 УК РФ; п. «е» ч. 2 ст. 112 УК РФ; п. «б» ч. 2 ст. 115 УК РФ; п. «б» ч. 2 ст. 116 УК РФ; п. «з» ч. 2 ст. 117 УК РФ; ч. 2 ст. 119 УК РФ; ч. 4 ст. 150 УК РФ; п. «б» ч. 2 ст. 244 УК РФ.

К ней следует отнести и другие действия, не имеющие закрепления в статьях вышеуказанных отягчающих признаков, но совершенные по мотивам, указанным в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

Поэтому считаем вполне обоснованным и аргументированным выделение двух самостоятельных групп преступлений, образующих самостоятельные системы:

- 1) преступления экстремистской направленности;
- 2) действия, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Систематизировав преступления экстремистской направленности с учетом мотивации и объектов посягательств, обратимся к определению понятия этих деяний.

К сожалению, по данному вопросу в доктрине уголовного права также не существует общего подхода.

Основная масса ученых¹, стремясь очертить круг рассматриваемых преступлений, непосредственно высказывают мнение о том, что к ним могут относиться действия, основанные на соответствующей экстремистской мотивации, что в целом соответствует положениям, закрепленным в примечании к ст. 282.1 УК РФ.

Е.П. Сергун вообще исключает необходимость закрепления в уголовном законе понятия «преступления экстремистской направленности». Но, вместе с этим, данная дефиниция, по его мнению, обязательно должна использоваться в науке российского уголовного права². Ученый считает, что при квалификации рассматриваемой группы преступлений достаточно лишь мотива, непосредственно указанного в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

С нашей точки зрения, анализируемый подход критичен по причине того, что преступления экстремистской направленности должны определяться не только с учетом особой мотивации преступного поведения, но также с учетом значимости нарушаемых при их совершении общественных отношений, что и предопределяет их самостоятельную разновидность, указывающую на особый вид и уровень общественной опасности.

Наличие принципиально отличающихся друг от друга проанализированных дефиниций, по нашему мнению, обусловлено тем, что, во-первых, экстремистские преступления – это сравнительно новая разновидность

¹ См.: Белокобыльский М.Е. Соотношение понятие «экстремизм» и «экстремистская деятельность» в российском законодательстве / М.Е. Белокобыльский // II Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии»: Материалы международной научно-практической конференции. – Калининград: Изд-во Калинингр. филиал СПбУ МВД России, 2014. – С. 25; Борисов С.В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения / С.В. Борисов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2012. – С. 13; и др.

² См.: Сергун Е.П. Экстремизм в российском уголовном праве / Е.П. Сергун: дис. ... канд. юрид. наук. – Тамбов, 2009. – С. 129.

общественно опасных деяний, во-вторых, сказалось неоднозначное отношение ученых и практиков к проблеме законодательного решения о круге таких преступлений.

Подводя итог, в заключении данного параграфа следует констатировать следующее.

1. Считаю вполне обоснованным и аргументированным выделение двух самостоятельных групп преступлений, образующих самостоятельные системы:

1) преступления экстремистской направленности;

2) действия, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

2. Преступления экстремистской направленности – это действия, направленные на дестабилизацию общественной безопасности, конституционного строя и мира, и безопасности человечества, основанные на политических, идеологических, расовых, национальных и религиозных мотивах, предусмотренные ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280.1, 281, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 354.1, 357, 360 УК РФ. В связи с чем, на наш взгляд, необходимо в новой редакции отразить примечание 1 к ст. 282.1 УК РФ, следующего содержания: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, предусмотренные ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280.1, 281, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 354.1, 357, 360 УК РФ».

3. На основании вышеизложенного, предлагаемая нами система должна выглядеть следующим образом:

1) преступления, наносящие вред общественным отношениям, обеспечивающим сохранность общественной безопасности России (ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207, 208, 212 УК РФ);

2) действия, покушающиеся на общественные отношения, регулирующие нормальное функционирование конституционного строя Российской Федерации (ст.ст. 239, 277, 278, 279, 280, 280.1, 28.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ);

3) действия, несущие ущерб общественным отношениям, устанавливающим легитимные условия сохранения мира и безопасности человечества (ст.ст. 354.1, 357, 360 УК РФ).

1.3. Особенности противодействия преступлениям экстремисткой направленности

Как нами уже было отмечено, экстремизм является одной из наиболее сложных социально-политических проблем современного российского общества, что связано в первую очередь с многообразием экстремистских проявлений, неоднородным составом организаций экстремистской направленности, которые оказывают дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в стране, угрожают национальной безопасности Российской Федерации.

В России одной из главных задач органов государственной власти, местного самоуправления, правозащитных и иных общественных организаций является поддержание межконфессионального диалога и толерантности, призванных обеспечить гражданский мир и согласие. Как отмечает М.Е. Родина, в рамках решения этой задачи особый упор необходимо делать на совершенствование соответствующей правовой базы и использование имеющихся у государства правовых рычагов для предотвращения и должного реагирования на экстремистские проявления¹.

Согласно Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной 14 ноября 2013 г. Президентом Российской Федерации,

¹ Родина М.Е. Основные направления противодействия экстремизму / М.Е. Родина // Российский следователь. – 2016. - № 15. – С. 41.

Федерации, одним из основных направлений деятельности сил обеспечения общественной безопасности является противодействие экстремизму¹.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации указывает в качестве одного из направлений решения поставленных задач совершенствование правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, общественную безопасность и конституционный строй РФ².

Как нами уже было отмечено, сегодня задачу противодействия экстремизму выполняет Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Законом также определены и основные направления противодействия экстремистской деятельности, в частности противодействие экстремистской деятельности осуществляется: принятием профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности; выявлением, предупреждением и пресечением экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

В целях реализации единой системы противодействия и профилактики экстремистской деятельности в 2001 году принималось Постановление Правительства от 25 августа 2001 г. № 629 «О Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 № Пр-2685) / Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ». (дата обращения 21 апреля 2017 г.)

² О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. - № 1 (часть II). – Ст. 212.

в российском обществе (2001 - 2005 годы)»³. Однако ее реализация, по мнению большинства исследователей, провалилась.

Для борьбы с экстремистской деятельностью необходимо использовать комплекс общих, специальных и индивидуальных профилактических мер. Профилактика предполагает воспитание толерантности в обществе, нетерпимости к проявлениям экстремизма и т.д.

Важное значение имеют также воспитательно-образовательные мероприятия и программы. Так, темы фильмов о противодействии экстремизму, терроризму и преступности Приказом Минкультуры РФ от 3 февраля 2011 г. № 45 «О приоритетных темах национальных фильмов в 2011 году»¹ признаны одними из важнейших приоритетных тем в документальном и научно-популярном кино.

Как отмечалось в Международной декларации о ликвидации всех форм расовой дискриминации, образование на всех уровнях и для всех возрастов, включая воспитание в семье и, в частности, образование в области прав человека, является ключом к изменению взглядов и поведения, основанных на расизме, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости, а также к поощрению терпимости и уважению многообразия в обществе². Такое образование является определяющим фактором в поощрении, распространении и защите демократических ценностей справедливости и равенства, имеющих основополагающее значение для предотвращения распространения расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости и борьбы с ними.

Декларация подчеркивает связь между правом на образование и борьбой против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними

³ О федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 - 2005 годы)»: постановление Правительства РФ от 25 августа 2001 г. № 629 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. - № 36. – Ст. 3577.

¹ О приоритетных темах национальных фильмов в 2011 году: приказ Минкультуры РФ от 3 февраля 2011 г. № 45 / Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ». (дата обращения 25 апреля 2017 г.)

² Международная Конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации (Нью-Йорк, 7 марта 1966 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1969. - № 25. – Ст. 219.

нетерпимости и важнейшую, ключевую роль образования, в том числе образования в области прав человека, и образования с учетом многообразия культур, особенно ориентированного на детей и молодежь, в предупреждении и искоренении всех форм нетерпимости и дискриминации.

Необходимо использовать разноплановые меры, направленные на конкретную фокус-группу потребителей. К таким мерам можно отнести: разъяснение последствий экстремизма для общества, широкое оглашение проводимых судебных процессов против экстремистов, разъяснение санкций за правонарушения экстремистской направленности, поддержка общественных организаций, направленных на развитие толерантности в обществе.

Важно также сформировать негативное отношение к экстремистам в любых возможных кругах общения. В Приказе Генпрокуратуры РФ от 10 сентября 2008 г. № 182 «Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению»¹ рекомендуется рассматривать разъяснение законодательства как деятельность, осуществляемую с целью правового просвещения граждан, в том числе при взаимодействии с различными общественными институтами, и считать ее неотъемлемой частью системы профилактики правонарушений, особенно в молодежной среде, противодействия экстремизму, ксенофобии, коррупционным проявлениям.

При этом учитывать, что работа в данном направлении не подменяет рассмотрение и разрешение жалоб и обращений граждан.

При этом следует обязательно учитывать, что пропагандистские меры ни в коем случае не должны проводиться в отрыве от реальных действий.

Любая превенция предполагает воздействие на причины девиации². Поэтому второй частью профилактической деятельности можно назвать

¹ Об организации работы по взаимодействию с общественностью, разъяснению законодательства и правовому просвещению: приказ Генпрокуратуры РФ от 10 сентября 2008 г. № 182: по сост. на 22 апреля 2011 г. / Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ». (дата обращения 27 апреля 2017 г.)

² См.: Сергеева Ю.В. Административно-правовой институт противодействия экстремизму / Ю.В. Сергеева // Административное право и процесс. – 2015. - № 6. – С. 71.

установление и устранение причин и условий, способствующих экстремистской деятельности. К выявлению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, призывает и ч. 2 ст. 73 УПК РФ¹. Однако на практике зачастую правоохранительные органы игнорируют данное требование.

Приказ Следственного комитета РФ от 12 июля 2011 г. № 109 «О мерах по противодействию экстремистской деятельности»² также подчеркивает приоритетность мер профилактического характера, направленных на предупреждение экстремистской деятельности. Согласно ч. 2.8 этого Приказа всем органам Следственного комитета приказано принимать по каждому уголовному делу указанной категории профилактические меры, направленные на предупреждение экстремизма. Также предписано строго следить за тем, чтобы при производстве допросов и других следственных действий в обязательном порядке выяснялись причины и условия, способствующие осуществлению экстремистской деятельности.

Кроме того, в плане предупреждения экстремистской деятельности, как верно отметил И.В. Понкин, происходит практически полное игнорирование государственными органами таких важных форм противодействия экстремистской деятельности, как проведение систематической работы с диаспорами на территории России, осуществление мониторинга деятельности общественных и религиозных объединений, а также объединений несовершеннолетних в среде этнических диаспор в целях своевременного проведения мероприятий, препятствующих появлению в их среде экстремистских объединений³.

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: по сост. на 17 апреля 2017 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. - № 52 (часть I). – Ст. 4921.

² О мерах по противодействию экстремистской деятельности: приказ Следственного комитета России от 12 июля 2011 г. № 109: по сост. на 27 марта 2013 г. / Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ». (дата обращения 27 апреля 2017 г.)

³ См.: Понкин И.В. Проблемы государственной политики в сфере противодействия экстремистской деятельности / И.В. Понкин: Учебное пособие. – М.: Институт государственно-конфессиональных отношений и права, 2011. – С. 67.

В области противодействия уже совершаемой экстремистской деятельности принятый Закон главным образом непосредственно оперирует категориями «выявление», «предупреждение», «пресечение» экстремистской деятельности.

Как отмечалось непосредственно в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Российская Федерация при обеспечении национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности на долгосрочную перспективу исходит из необходимости постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации.

Согласно положениям Концепции общественной безопасности в Российской Федерации при обеспечении общественной безопасности на долгосрочную перспективу Российская Федерация исходит из необходимости постоянного совершенствования системы мер по предупреждению, выявлению и пресечению террористической и экстремистской деятельности, а также других преступных посягательств на права и свободы гражданина, материальные и духовные ценности общества.

Однако, на наш взгляд, особое внимание также следует уделить категориям «раскрытие» и «расследование» правонарушений экстремистской направленности.

Основываясь на определениях данных категорий (применительно к преступлениям), предложенных А.Н. Ивановым и Е.С. Лапиным, можно следующим образом раскрыть содержание указанных понятий¹.

Выявление экстремистской деятельности – это обнаружение признаков правонарушения экстремистской направленности по материальным или идеальным следам.

¹ Иванов А.Н., Лапин Е.С. Криминалистика. Основные положения / А.Н. Иванов, Е.С. Лапин: Учеб.-справ. пособ. 2-е изд., перераб. и доп. – Саратов: Научная книга, 2016. – С. 5-6.

Предупреждение экстремистской деятельности – это выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений экстремистской направленности.

Пресечение экстремистской деятельности – воспрепятствование продолжению совершения обнаруженного правонарушения экстремистской направленности, доведению его до завершения.

Раскрытие правонарушения экстремистской направленности – выявление подозреваемого и изобличение его системой доказательств по делу (преступление считается раскрытым с того момента, когда доказана вина субъекта).

Расследование правонарушения экстремистской направленности – регламентируемая законодательством РФ и основанная на нем деятельность уполномоченных субъектов по собиранию, исследованию, оценке доказательств и использованию их с целью принятия решения по делу.

Следует отметить некоторые проблемы указанной выше деятельности. Зачастую в деятельности правоохранительных органов существует явный уклон в сторону «положительной дискриминации». Одни и те же действия, совершенные русскими (белорусами, украинцами) и представителями других народов и народностей, могут быть оценены по-разному, с явным обвинительным уклоном в сторону первых. Зачастую не придается большого значения предшествующему аморальному, противоправному, агрессивному поведению потерпевших.

Действиям, совершенным против представителей неславянских народов, чаще придается экстремистская окраска. Напротив же, противоправным действиям, агрессивному поведению некоторых представителей национальных меньшинств чаще придается бытовая окраска. Объяснить подобную ситуацию можно только боязнью быть обвиненными в пособничестве экстремистам и дискриминации либо слабым знанием законодательства. Закон же должен быть един для всех, и действия лица любой национальности должны расцениваться одинаково, только с точки зрения закона, без ложной политкорректности.

Таким образом, в заключении отметим, что экстремизм является одной из глобальных проблем, которая стоит не только перед Россией, но и перед всем миром. Государство должно принимать и создавать различные политические, идеологические, нравственные действия для решения данной проблемы.

Создание установок толерантного сознания и поведения, веротерпимости и миролюбия, профилактика различных видов экстремизма и противодействие им имеют для многонациональной России особую значимость, обусловленную сохраняющейся социальной напряженностью в обществе, продолжающимися межэтническими и межконфессиональными конфликтами, ростом сепаратизма и национального экстремизма, являющихся прямой угрозой безопасности государства.

ГЛАВА 2. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ ГЛАВОЙ 29 УК РФ

2.1. Общая характеристика объективных признаков составов преступлений экстремистской направленности, предусмотренных главой 29 УК РФ

Осознавая особую роль объекта преступления при квалификации преступлений экстремистской направленности, необходимо в первую очередь исследовать данный элемент состава преступления.

Основываясь на ранее предложенной нами дефиниции экстремизма, считаем, что в качестве непосредственных объектов уголовно-правовой охраны при совершении рассматриваемой группы преступлений соответственно должны выступать общественные отношения в сфере так называемого нормального функционирования конституционного строя, сохранения мира и безопасности человечества.

Не меньшее значение объект преступления имеет и в рамках преступлений экстремистской направленности, закрепленных в главе 29 УК РФ. Так, относя деяние, ответственность за которое предусмотрена ст. 280 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»), к исследуемой группе преступлений, сталкиваемся с проблемой определения его непосредственного объекта.

Дело в том, что диспозиция статьи сконструирована как простая, а это не дает возможности установить обязательные признаки действия, прямо или косвенно связанные с объектом посягательства.

По этой причине в доктрине уголовного права существует множество подходов по определению рассматриваемого непосредственного объекта¹.

¹ См.: Ржевский А.С. Экстремизм и его проявление в Уголовном кодексе России (уголовно-правовая характеристика) / А.С. Ржевский: дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д,

Однако представляется, что при определении непосредственного объекта того или иного преступления в первую очередь следует обращаться к названию главы, в которой расположена соответствующая норма. Так, например ст. 280 УК РФ находит свое закрепление в главе 29 УК РФ «Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства», что дает нам основание предположить, что непосредственным объектом соответствующего действия выступает конституционный строй России и в целом безопасность государства.

Следует сделать вывод о том, что безопасность конституционного строя и государства выступает неразрывным объектом уголовно-правовой охраны, дополняющим и конкретизирующим друг друга.

В связи с этим верно утверждение А.В. Петрянина, о том, что их рассмотрение как самостоятельных явлений следует признать неправильным, так как такой подход нарушает представление в целом о государственной безопасности¹.

Принимая во внимание это обстоятельство, полагаем, что в качестве основного непосредственного объекта состава преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, выступают общественные отношения, направленные на обеспечение безопасности конституционного строя и государства в целом.

Рассматривая содержание ст. 282 УК РФ, отметим, что ряд ученых к объекту анализируемого действия относят конституционное равноправие граждан, предлагая рассматривать в качестве таковых честь и достоинство граждан, а также их конституционные права и свободы, принадлежащие им вне зависимости от национальности, расы или религии. Не следует забывать отмечает А.С. Лаврив, что квалификация данной категории преступлений так или иначе тесно связана с вопросами соблюдения законных прав человека и

2004. – С. 85; Суханова И.С. Особенности объекта преступлений экстремистской направленности / И.С. Суханова // Вестник Московского университета МВД России. – М.: Изд-во Моск. ун-та МВД России, 2013. - № 10. – С. 99; Хабаров А.В. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / А.В. Хабаров: Учебное пособие и курс лекций для студентов дистанционной формы обучения. Ч. 2. – Тюмень, 2015. – С. 33; и др.

¹ Петрянина О.А. Понятие безопасности: законодательно-доктринальные подходы / О.А. Петрянина, А.В. Петрянин // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – Н. Новгород, 2013. - № 21. – С. 173.

гражданина, дарованных Конституцией РФ, и в конкретной ситуации бывает сложно провести четкую грань между действиями, направленными на возбуждение ненависти или вражды, и категоричным способом проявления собственного мнения¹.

Полагаем, что эта позиция, конечно же, заслуживает внимания, однако, по нашему мнению, является излишне широкой.

Вышеназванные права находятся под отдельной уголовно-правовой охраной в рамках главы 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина». В этой связи, думается, что указанные общественные отношения могут выступать лишь в качестве дополнительного или факультативного объектов, которым причиняется вред наряду с основным непосредственным.

Дискуссионным является и вопрос, связанный с определением непосредственного объекта состава преступления, закрепленного в ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества».

Анализ доктринальных источников позволяет непосредственно констатировать, что в науке до настоящего времени не сформировалось единого мнения о его содержании.

Основной спор заключается в определении перечня как реально, так и потенциально нарушаемых общественных отношений.

Принимая во внимание многообъектность ст. 282.1 УК РФ, С.Н. Фридинский предпринял попытку более четкого определения этого круга, относя к таковым общественные отношения, обеспечивающие целостность и устойчивость государственной власти, стабильность государственного устройства и непосредственную внутреннюю безопасность страны².

Хотя обеспечение безопасности конституционного строя связано не только с установлением нормального развития межличностных отношений либо

¹ Лаврив А.С. Проблемные вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности / А.С. Лаврив // Вестник Омского университета. – Омск: Изд-во ОмГУ, 2012. - № 2 (31). – С. 223.

² Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности / С.Н. Фридинский // Законность. – М., 2011. - № 7. – С. 6.

безопасности государства и общества, так как включает в себя и иные блага и ценности, непосредственно направленные на нормальное функционирование конституционного строя в целом.

В доктрине уголовного права существует также подход, в соответствии с которым состав преступления, предусмотренный статьей 282.1 УК РФ («Организация экстремистского сообщества»), имеет схожий основной непосредственный объект с преступлением, предусмотренным статьей 282.2 УК РФ («Организация деятельности экстремистской организации»), что, с одной стороны, указывает на их универсальность, с другой – на преемственность¹. Считаем целесообразным согласиться с этим мнением.

Обобщив доктринальные достижения, по рассматриваемому вопросу, полагаем, что в качестве основного непосредственного объекта указанных составов преступлений выступают общественные отношения, обеспечивающие безопасность конституционного строя от внутренних и внешних угроз посредством реализации антиэкстремистского законодательства, возникающих при создании сообществ, организаций или объединений, непосредственная деятельность которых направлена на разжигание политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также участие в них.

Завершая характеристику объекта преступлений экстремистской направленности, отметим, что при его установлении в первую очередь следует ориентироваться на цели и мотивы преступного посягательства, направленные на непосредственный подрыв государственной безопасности через призму причинения вреда общественной безопасности, конституционному строю или миру и безопасности человечества. Указанные выше аргументы и свидетельствуют о наличии специфических особенностей, отличающих структуру и содержание объекта рассматриваемых преступлений от объектов иных общественно опасных деяний.

¹ См.: Клименко Ю.А. Организация экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ): объект преступления и его значение для квалификации / Ю.А. Клименко // Актуальные проблемы российского права. – 2016. - № 3. – С. 127.

По вопросу определения содержания признаков объективной стороны экстремистских преступлений в теории и практике также существуют разногласия.

В частности, при рассмотрении состава преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, основной проблемой является установление «публичности призывов».

В доктрине существуют принципиально отличающиеся друг от друга подходы к определению его содержания. Так, по мнению некоторых исследователей, публичные призывы возможны только при наличии публики в количестве не менее двух человек¹.

В этом случае весьма интересна иная точка зрения профессора Кочои С.М., который считает, что количественный критерий самостоятельного значения не имеет, акцентируя свое внимание исключительно на призывах².

Все это, конечно же, и актуализирует рассмотрение поставленного вопроса.

По нашему мнению, одной из причин криминализации публичных призывов как раз-таки и является привлечение к этому процессу большого (неопределенного) количества граждан.

Полагаем, что о необходимости установления количественного критерия свидетельствует используемый в рассматриваемой норме уголовного закона термин «призыв», предполагающий обращение к неопределенному кругу лиц. В связи с этим применительно к составу преступления, закрепленному в ст. 280 УК РФ, целесообразно считать минимальным количественным критерием призываемых – не менее двух человек, что в целом будет соответствовать содержанию буквального толкования рассматриваемого признака и наиболее распространенному подходу, сформировавшемуся как в доктрине, так и в правоприменительной деятельности.

¹ См.: Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / А.Р. Ратинов, М.В. Кроз, Н.А. Ратинова / Под ред. А.Р. Ратинова. – М., 2005. – С. 45.

² См.: Кочои С.М. Расизм: уголовно-правовое противодействие / С.М. Кочои: монография. – М., 2007. – С. 44.

Сложность представляет и содержание квалифицирующего признака, закрепленного в ч. 2 ст. 280 УК РФ, в частности, совершение действия с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет.

Указанный признак характеризует особый способ совершения преступления и для определения его содержания адресует правоприменителя в первую очередь к Закону РФ от 27 декабря 1991 года «О средствах массовой информации»¹.

Ст. 2 анализируемого источника определяет понятие «массовая информация», под которой понимаются «предназначенные для неограниченного круга лиц печатные, аудио-, аудиовизуальные и иные сообщения и материалы». Полагаем, что указание в законе на открытый круг получателей информации косвенно подтверждает наличие обязательного количественного критерия при установлении признаков публичности призывов к экстремистской деятельности. Об этом также говорят положения, закрепленные в Постановлении Пленума Верховного Суда № 11 от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», в котором, в частности, указано, что о публичности призывов могут свидетельствовать обращения к группе людей..., размещение обращений в информационно-телекоммуникационных сетях общего пользования.

Отметим, что Постановление Пленума Верховного Суда № 11 от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указывает, что одним из способов распространения публичных призывов может выступать и сеть Интернет.

Полагаем, что именно поэтому, в том числе и для снятия существовавших ранее дискуссий в рамках правовой оценки содеянного, законодатель Федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ «О внесении изменений в

¹ О средствах массовой информации: Закон РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-1: по сост. на 03 июля 2016 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. - № 7. – Ст. 300.

отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ дополнил ч. 2 ст. 280 и ч. 1 ст. 282 УК РФ словами «либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет».

Полагаем, что изложенные нами выше аргументы дают нам основание для градации используемых в экстремистской деятельности средств по характеру и степени общественной опасности.

В этой связи предлагаем в качестве особо квалифицированного состава в ст. 280 УК РФ закрепить особо отягчающий признак следующего содержания: те же действия, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

Причем вопрос, раскрывающий публичность таких призывов, должен рассматриваться через призму места, способа и обстановки совершения действия².

Такая дифференциация должна быть проведена и в рамках ст. 280.1 УК РФ («Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации») и ст. 282 УК РФ («Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства»).

Продолжая исследование норм уголовного закона, содержащих в себе признаки экстремизма, и анализируя объективную сторону преступления, предусмотренного статьей 282 УК РФ, устанавливающей ответственность за «возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», следует обратить внимание на проблему правовой оценки такого признака, как «возбуждение».

Например, Н.Ф. Кузнецова предлагает рассматривать в качестве «возбуждающей» лишь ту информацию, которая несет отрицательную оценку

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 179-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. - № 26 (часть I). – Ст. 3385.

² См.: Михеев А.В. Особенности доказывания публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности в сети Интернет / А.В. Михеев // Российский следователь. – 2014. - № 9. – С. 7.

характеризующихся субъектов или социальных групп по признаку их принадлежности к иной национальности, религии, расе или социальной группе. При этом данная информация, по мнению ученого, должна содержать, в том числе и призывы к насильственным действиям против них¹.

Схожей точки зрения придерживается и высшая судебная инстанция. Так, в соответствии с пунктом 7 Постановления Пленума Верховного Суда № 11 от 28 июня 2011 года «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» возбуждение ненависти или вражды может выражаться, например, в высказываниях, обосновывающих и оправдывающих необходимость применения геноцида, массовых репрессий, депортаций, применения насилия в отношении представителей каких-либо социальных групп.

Однако П.С. Яни считает, что для вменения указанного состава необходимо лишь совершение публичных действий, направленных на порождение у посягателей соответствующих мотивов. При этом они не должны включать в себя призывы к насилию².

В этом случае мы полностью разделяем мнение профессора П.С. Яни. С нашей точки зрения, понятие «возбуждение», используемое в ст. 282 УК РФ, должно рассматриваться как активное поведение, направленное лишь на возникновение враждебного состояния противостояния одной группы (личности) против другой группы (личности), основанного на экстремистской мотивации, непосредственно указанной в данной статье. При этом призывы к применению насилия могут быть, но они не должны являться обязательным признаком действия.

Имеются проблемы и в определении содержания объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества».

¹ См.: Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Н.Ф. Кузнецова // Науч. ред. и предисл. В.Н. Кудрявцева. – М., 2007. – С. 51.

² См.: Яни П.С. Квалификация преступлений экстремистской направленности / П.С. Яни // Российская юстиция. – 2011. - № 10. – С. 11.

В частности, к числу дискуссионных относится вопрос об определении его признаков.

Отметим, что одним из признаков преступного сообщества (преступной организации) является совершение в ее составе только тяжких или особо тяжких преступлений.

Однако в ст. 282.1 УК РФ этот признак отсутствует, а имеется лишь указание на то, что экстремистское сообщество создается для совершения одноименной группы деяний.

Это дает основание полагать, что в рамках ст. 282.1 УК РФ возможно совершение преступлений любой категории тяжести. Такое законодательное решение, на наш взгляд, является более правильным, нежели то, которое отражено в ч. 4 ст. 35 УК РФ и в ст. 210 УК РФ.

Хотя, С.А. Юдичева, выявив такое противоречие, считает, что экстремистское сообщество может выступать в качестве самостоятельной организованной формы преступной деятельности только в случае совершения тяжких и особо тяжких преступлений¹. С ее точки зрения, это четко будет указывать на то, что положения ч. 4 ст. 35 и ст. 282.1 УК РФ соотносятся как общая и специальная норма³.

При этом под экстремистским сообществом (ст. 282.1 УК РФ), по мнению П.В. Максимова, следует понимать устойчивую группу лиц, заранее объединившихся для подготовки или совершения одного или нескольких преступлений экстремистской направленности, характеризующуюся наличием в ее составе организатора (руководителя), стабильностью состава, согласованностью действий ее участников в целях реализации общих преступных намерений².

¹ См.: Юдичева С.А. Актуальные проблемы юридического анализа составов преступлений организации экстремистского сообщества и участия в нем / С.А. Юдичева // Новый юридический журнал. – 2013. - № 2. – С. 187.

² См.: Максимов П.В. Особенности квалификации преступления, предусмотренного статьей 282.1 Уголовного кодекса Российской Федерации / П.В. Максимов // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2015. – Вып. 4 (30). – С. 69.

Как конкуренцию части и целого предлагает соотносить экстремистское со-общество и банду А.Г. Хлебушкин, аргументируя свое мнение тем, что рассматриваемые формы соучастия являются лишь разновидностями организованной группы¹.

Исследовав существующие дискуссии по обозначенной проблеме, хотелось бы еще раз подчеркнуть необходимость унификации российского уголовного законодательства, в том числе и при использовании идентичных дефиниций. Полагаем, что термин «сообщество» как в рамках ч. 4 ст. 35, так и ст. 282.1 УК РФ должен иметь единый смысл.

Поэтому из ч. 4 ст. 35 УК РФ необходимо исключить указание на категории деяний, поскольку определять качество криминальной деятельности преступного сообщества (преступной организации) через призму тяжести совершаемых преступлений – некорректно.

На наш взгляд, анализ законодательной формулировки, отраженной в ст. 282.1 УК РФ, позволяет констатировать, что преступное сообщество (преступная организация) – это самостоятельная разновидность соучастия, а экстремистское сообщество – лишь разновидность организованной группы. Из этого вытекает, что при установлении признаков экстремистского сообщества следует исходить из положений, закрепленных в ч. 3 ст. 35 УК РФ.

На наш взгляд, экстремистское сообщество является самостоятельной разновидностью преступного сообщества, что еще раз и подтверждается судебной практикой.

Так, в Определении Верховного Суда РФ от 4 февраля 2010 года № 47-009-82 указано, что под экстремистским сообществом понимается преступное сообщество, созданное для подготовки и совершения преступлений экстремистской направленности². Преломление экстремистского сообщества через несколько различных форм соучастия представляется неприемлемым.

¹ Хлебушкин А.Г. Квалификация нападений, совершаемых членами организованных групп по экстремистским мотивам / А.Г. Хлебушкин // Законность. – 2013. - № 5. – С. 24.

² Определение Верховного Суда РФ от 4 февраля 2010 года № 47-009-82 / Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ». (дата обращения 21 апреля 2017 г.)

На основании вышеизложенного считаем, что необходимо убрать из диспозиции ст. 282.1 УК РФ словосочетание «то есть организованной группы лиц», что, с нашей точки зрения, снимет существующую дискуссию.

Ст. 282.2 УК РФ, устанавливающая ответственность за организацию деятельности экстремистских организаций, также далека от совершенства, и при определении признаков объективной стороны этого действия возникают проблемные вопросы.

В первую очередь появляется вопрос о том, какие организации признавать экстремистскими. Действующее уголовное законодательство не содержит в себе такого понятия. В этой связи правоприменитель должен обратиться к Федеральному закону от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

В соответствии с п. 2 ст. 1 указанного источника под экстремистской организацией понимается «общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным настоящим Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности».

Согласно данному определению экстремистская организация может осуществлять свою преступную деятельность в таких формах, как:

- а) общественное объединение;
- б) религиозное объединение или в) иная организация.

Для квалификации действия по статье 282.2 УК РФ обязательным условием является наличие вступившего в силу решения суда о ликвидации или запрете деятельности организации.

В Определении Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 года № 1308-О-О разъясняется, что данная норма призвана обеспечить охрану общественных отношений по защите основ конституционного строя и безопасности государства, а также установленного законом порядка исполнения судебных решений и предусматривает уголовную ответственность не за любые

действия, а только за те, которые совершаются в составе объединения, в соответствии с его целями и планами, под единым организованным руководством и с умыслом, направленным на поддержание деятельности объединения, заведомо для виновного запрещенной на основании судебного решения¹. В настоящее время перечень таких организаций ведет Министерство юстиции РФ.

Определяя ответственность по ст. 282.2 УК РФ, следует отметить, что соответствующая организация не является экстремистским сообществом, поскольку в случае установления признаков последнего действия виновных должны быть квалифицированы по ст. 282.1 УК РФ.

Схожая проблема существует и при разграничении экстремистской организацией и террористической.

Так, 02.11. 2013 г. Президентом Российской Федерации был подписан Федеральный закон № 302-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», криминализирующий ст. 205.5 УК РФ «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации»².

Осознавая проблемы, возникающие при правовой оценке вышеназванных деяний, и в целях четкого их разграничения этим же Федеральным законом были внесены изменения и в ст. 282.1 УК РФ, в соответствии с которыми абзац первый части первой и абзац первый части второй, после слов «экстремистской деятельности», дополнен словами «за исключением организации, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации признаны террористическими».

Таким образом, в заключении считаем необходимым сформулировать следующие выводы.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 года № 1308-О-О / Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ». (дата обращения 22 апреля 2017 г.)

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 2 ноября 2013 г. № 302-ФЗ // Сборник законодательства Российской Федерации. – 2013. - № 44. – Ст. 5641.

1. Основным непосредственным объектом состава преступления, закрепленного в ст. 280 УК РФ, выступают общественные отношения, направленные на обеспечение устойчивости конституционного строя и государства в целом.

2. Составы преступлений, закрепленные в ст.ст. 282.1, 282.2 и 282.3 УК РФ, имеют схожий основной непосредственный объект – общественные отношения, обеспечивающие устойчивости конституционного строя от внутренних и внешних угроз с помощью реализации антиэкстремистского законодательства, появляющиеся при создании сообществ, организаций или объединений, основная деятельность которых направлена на разжигание политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды, а также участие в них.

3. Необходимо предусмотреть отягчающий признак в ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», в ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» и ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» следующего содержания: те же действия, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

4. Экстремистское сообщество есть не что иное, как самостоятельная разновидность преступного сообщества, и по этой причине предлагаем исключить из диспозиции статьи 282.1 УК РФ словосочетание «то есть организованной группы лиц».

**2.2. Общая характеристика субъективных признаков составов
преступлений экстремистской направленности,
Предусмотренных главой 29 УК РФ**

Рассматривая субъективную сторону исследуемой группы деяний, необходимо остановиться на мотивации преступного поведения, чаще всего и порождающей проблемы при квалификации преступлений экстремистской направленности.

Что касается мотивов, имеющих непосредственное значение при квалификации преступлений экстремистской направленности, то особую роль, по мнению А.В. Петрянина¹, выполняют те, которые нашли свое непосредственное закрепление в УК РФ в результате принятия Федерального закона от 24 июля 2007 года № 211-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия экстремизму» и Федерального закона от 10 мая 2007 года «О внесении изменений в статьи 214 и 244 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях»².

Полагаем, что причиной реализации такого подхода стала осознанность государством высокого уровня общественной опасности деяний, совершаемых на основе экстремистской мотивации, что повышает конфликтность общественных отношений.

В частности, вышеуказанные федеральные законы изменили содержание п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ.

При этом данный отягчающий признак также нашел свое отражение в качестве квалифицирующих признаков в ряде составов преступлений (п. «л» ч. 2 ст. 105, п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 116, п. «з» ч. 2 ст. 117 и др.).

По мнению некоторых исследователей, с учетом сложившейся практики применения статей 278, 279, 280, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ мотив

¹ См.: Петрянин А.В. Мотив преступления и проблемы его определения при совершении преступлений экстремистской направленности / А.В. Петрянин // Следователь. – 2010. - № 11(151). – С. 8.

² О внесении изменений в статьи 214 и 244 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 20.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 10 мая 2007 г. № 70-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. - № 21. – Ст. 2456.

политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы не является главным признаком, свидетельствующим об экстремистской направленности указанных преступлений¹. Его функция состоит в формировании основной цели этих посягательств – разжигании ненависти или вражды для нарушения основ конституционного строя, базирующегося на равноправии людей.

Как видим, основными признаками указанного выше отягчающего обстоятельства являются ненависть или вражда, а уже потом их разновидности (политическая, идеологическая, расовая, национальная или религиозная).

В этой связи целесообразно обратиться к этимологии соответствующих понятий. Интересную научную позицию выражает и В.И. Тюнин. Он отмечает, что причиной возникновения исследуемого негативного чувства является субъективная оценка определенных событий, явлений, фактов как отрицательных². В продолжение вышесказанного С.В. Борисов, также поднимая эту проблему, аргументирует вывод о том, что термин «вражда» вообще является лишним, не требует закрепления его в законе, при этом обосновывая свой вывод существующими судебными решениями³.

Все вышеизложенное, конечно же, указывает на то, что возможная грань по содержанию рассматриваемых понятий так тонка, что объективно не дает возможности провести эту границу, и это указывает на их неразрывную связь. Именно поэтому считаем, что они должны рассматриваться как взаимодополняющие.

Раскрывая политическое содержание преступной мотивации, следует отметить, что политика – это деятельность в сфере отношений между большими

¹ См.: Григорьева Л.В. О научном подходе к уголовно-правовой оценке действий экстремистской направленности / Л.В. Григорьева // Современное право. – 2015. - № 7. – С. 99.

² Тюнин В.И. Организация экстремистского сообщества / В.И. Тюнин // Уголовное право. – 2006. - № 3. – С. 52.

³ Борисов С.В. Проблемы определения содержания и соотношения мотивов при квалификации преступлений экстремистской направленности / С.В. Борисов // Уголовное право. – 2013. - № 6. – С. 4.

социальными группами, нациями и государствами, что предполагает весьма широкое ее толкование и в рамках преступлений экстремистской направленности, требует определенных уточнений.

В доктрине существует несколько подходов, раскрывающих содержание политической мотивации при совершении таких деяний. Например, Д.И. Леньшин слишком широко трактует рассматриваемое понятие, относя к нему любое проявление политической ненависти или вражды, непосредственно связанное с определенной деятельностью потерпевшего и (или) субъекта преступления¹.

К сожалению, такое понимание этого мотива является частично неопределенным по своему содержанию, что не дает объективной возможности отграничить общеуголовное преступление от деяний экстремистской направленности даже при наличии специальных потерпевших (например, убийство представителя политической партии по мотиву личной неприязни и т. п.).

Считаем, что более правильной является точка зрения П.А. Кабанова. По его мнению, политическая ненависть в преступлениях экстремистской направленности представляет собой побуждение к совершению преступления в отношении лиц, придерживающихся иных политических взглядов, в целях борьбы за власть.

Политическая вражда, считает указанный автор, включает в себя совершение каких-либо демонстративных действий, выражающих неприязнь к иным политическим оппонентам, основанную на особых политических убеждениях².

Полагаем, что П.А. Кабанов прав, поскольку политическая мотивация доминирует при совершении преступлений экстремистской направленности, что предопределяет ей особую значимость в качестве причин рассматриваемой

¹ Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации / Д.И. Леньшин: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2011. – С. 17.

² Кабанов П.А. Политическая ненависть или вражда как один из мотивов преступлений экстремистской направленности / П.А. Кабанов // Следователь. – 2008. - № 2. – С. 57.

группы преступлений. При этом политическая ненависть или вражда хотя и имеют общие признаки, однако различаются, в первую очередь – по форме реализации возникших политических мотивов.

Исходя из содержания термина «идеология», идеологическая мотивация представляет собой ненависть или вражду, основанную на радикальном неприятии идей, которых придерживаются потерпевшие.

Наиболее распространенным является мнение, в соответствии с которым под ней следует понимать ненависть или вражду, возникшую по причине несовпадения представлений, понятий и взглядов у субъекта преступления и у потерпевшего.

Полагаем, что в данном случае следует обратить внимание на два обстоятельства.

Во-первых, при совершении преступлений экстремистской направленности, тем более основанных на идеологической мотивации, конкретный потерпевший выступает лишь как средство достижения поставленных целей, через воздействие на которое выражается негативное отношение к существующим порядкам и устоям.

Во-вторых, на наш взгляд, содержание предложенной дефиниции не раскрывает возможных сфер, в которых возможна реализация данной мотивации, что делает предложенное понятие частично пробельным в исследуемой нами области.

Отметим, что в доктрине существует и такой подход, в соответствии с которым вышеуказанные мотивации рассматриваются как неразрывно взаимосвязанные.

Так, например, по мнению Л.И. Магуриной, политическая и идеологическая мотивации прослеживаются при совершении практически любого преступления, не согласующегося с государственными интересами¹. В

¹ Магурина Л.И. Идеологическая ненависть (вражда) как мотив преступлений экстремистского характера / Л.И. Магурина // Девятые Всероссийские Державинские чтения (Москва, 13-14 декабря 2013 года): сборник статей: в 7 кн. Кн. 5: Проблемы уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и уголовного права, криминалистики и криминологии. – М.: РПА Минюста России, 2014. – С. 111.

целом соглашаясь с тем, что преступления экстремистской направленности могут включать в себя не-сколько мотивов, полагаем, что в таком случае необходимо устанавливать доминирующий, явившийся основной причиной совершения конкретного общественно опасного действия, предопределяющий сущность совершенного или совершаемого преступления.

Еще одной разновидностью преступной мотивации в преступлениях экстремистской направленности является расовая и национальная ненависть. В ее основе, как правило, лежит представление о принадлежности потерпевшего к иной расе или национальности.

Представляется, что расовая ненависть тесно связана с ненавистью, возникающей на национальной почве, поэтому зачастую они дополняют друг друга.

Однако возможно и их отдельное сосуществование в рамках формирования мотива при совершении преступлений экстремистской направленности.

Конструктивным признаком религиозной ненависти является приверженность потерпевших к той или иной религии, воспринимаемой виновными как враждебная.

С точки зрения А.В. Петрянина, основной проблемой современных религий, порождающей резкий всплеск преступлений на религиозной почве, является умышленно «ошибочная» трактовка религиозных источников¹. Субъекты толкования не всегда точно передают их смысл, а иногда и умышленно вкладывают в текст иное содержание в целях достижения результатов, соответствующих их потребностям.

Примером может служить придание религиозной окраски исключительно политическим явлениям (республики Северного Кавказа, Афганистан, Израиль, Иран, Ирак, Сирия и т. д.). Особенностью религиозного экстремизма является состояние фанатизма, выражающееся в безукоризненной истинности религии и

¹ Петрянин А.В. Мотив преступления и проблемы его определения при совершении преступлений экстремистской направленности / А.В. Петрянин // Следователь. – М., 2010. - № 11 (151). – С. 9.

совершении действий, направленных на достижение ее целей любыми средствами. При этом религия при совершении преступлений экстремистской направленности выступает как инструмент оправдания насилия. Более того, современная религия во всех ее проявлениях становится способом политической борьбы за власть, территории и ресурсы.

Исследовав экстремистскую мотивацию, хотелось бы поднять вопрос о целесообразности ее закрепления на нормативном уровне. В частности, в доктрине существует подход, в соответствии с которым указание соответствующей мотивации в законодательстве является недостаточно обоснованным¹.

Полагаем, что такая позиция конечно же спорна по причине имеющейся потребности в определении признаков экстремистской мотивации как в правоприменительной, так и научной деятельности, поскольку именно она и определяет содержание современного экстремизма, хотя и порождает трудности в ее установлении.

Еще один признак, характеризующий преступления экстремистской направленности и нашедший свое отражение в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ, – совершение действия по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Полагаем, что основной проблемой при установлении данногоотягчающего обстоятельства является, и будет являться определение признаков социальных групп, в отношении которых возможно совершение рассматриваемых преступлений. Считаем, что использование местоимения «какой-либо» указывает на то, что даже для самого законодателя этот вопрос является неопределенным. Это подтверждается и отсутствием разъяснений уполномоченных на то органов, а также сумбурно формирующейся судебносудебной практикой.

В науке существует множество подходов к определению содержания социальной группы.

¹ См.: Лунеев В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2009. - № 9. – С. 46.

А.Г. Хлебушкин указывает на необходимость выделения двух самостоятельных объединений, включающих в себя как группу лиц, выделяемую на основе социально-биологических характеристик конкретной личности, так и общность, осуществляющую совместную деятельность¹.

Понимая масштабы этой проблемы, следует согласиться с мнением А.Г. Кибальника и И.Г. Соломоненко, указавших, что отсутствие четких и понятных признаков какой-либо социальной группы, закрепленных в праве, по существу потенциально расширяет либо сужает границы уголовной репрессии².

Определяя признаки субъектов преступлений экстремистской направленности, характеризующихся не только высоким уровнем организованности, но и транснациональности, полагаем, что в первую очередь необходимо отталкиваться от положений ст. 11-13 УК РФ, где говорится о том, что субъектами преступления могут быть граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства.

При этом не нужно забывать и рекомендации, содержащиеся в ряде международных нормативных правовых актов. Например, в соответствии с Шанхайской конвенцией о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом³, и в частности в соответствии с п. 3 ст. 2 Конвенции, страны-участницы обязаны оказывать совместную правовую помощь в борьбе с экстремизмом. Это дает основание предположить, что в качестве субъектов исследуемой группы деяний могут выступать как граждане России, так и иностранные лица, и лица без гражданства, независимо как от места совершения преступления, так и в отношении безопасности любого из государств – участников Конвенции.

¹ Хлебушкин А.Г. Установление признаков социальной группы при квалификации преступлений экстремистской направленности: теория и судебная практика / А.Г. Хлебушкин // Уголовное право. – 2013. - № 6. – С. 74.

² Кибальник А.Г., Соломоненко И.Г. «Экстремистское» хулиганство – нонсенс уголовного закона / А.Г. Кибальник, И.Г. Соломоненко // Законность. – 2008. - № 4. – С. 21.

³ Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2003. - № 41. – Ст. 3947.

Вышеизложенное дает нам легитимное основание для деления субъектов, совершающие действия экстремистской направленности, на две самостоятельные категории.

В случае совершения преступлений, непосредственно указанных в Конвенции, ответственности подлежит любое лицо, как являющееся, так и не являющееся гражданином России, и это характеризует первую группу.

Причем в такой ситуации не имеет значения место совершения преступления.

Ко второй группе субъектов можно отнести всех лиц, совершающих действия экстремистской направленности, предусмотренные исключительно национальным законодательством, поскольку положения международной Конвенции на них не распространяются. В данном случае ответственность несут граждане Российской Федерации, вне зависимости от места совершения преступления, иностранные граждане, а также лица без гражданства в случае совершения преступлений экстремистской направленности на территории России.

Как видим, международное сообщество по-своему определяет опасность исследуемых деяний, и эта дифференциация только усиливается на современном этапе (особенно учитывая процессы глобализации).

Проведя дальнейшее исследование субъектов преступлений экстремистской направленности, необходимо констатировать, что всплеск экстремистской активности наблюдается у лиц в возрасте от 14 до 30 лет. Чаще всего это лица мужского пола, не находящиеся в браке, с низким уровнем образования и культуры. Доминирующее количество осужденных уже были ранее судимы, в том числе и за совершение преступлений экстремистской направленности¹.

¹ См.: Степанюк О.С. Особенности субъекта уголовной ответственности за организацию деятельности экстремистской организации и участие в ней (ст. 282.2 УК РФ) / О.С. Степанюк // Проблема правосубъектности: современные интерпретации: Материалы международной научно-практической конференции 25 февраля 2011 года, Самара. – Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2011. - Вып. 9. – С. 511.

Еще одним спорным вопросом при определении субъекта экстремистских преступлений является признак, закрепленный в п. «б» ч. 2 ст. 282 и ч. 3 ст. 282.1 УК РФ, – «совершение действия лицом с использованием своего служебного положения».

Принимая во внимание то обстоятельство, что анализируемые действия могут совершать специальные субъекты, использующие свои служебные полномочия, можно сделать вывод о том, что в преступлениях, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 282, ч. 3 ст. 282.1, ч. 3 ст. 282.2, ч. 2 ст. 282.2 УК РФ, возможно выделение факультативных объектов, что, несомненно, отражается на степени общественной опасности соответствующих деяний.

В качестве таковых выступают общественные отношения в сфере установленного законом режима функционирования службы в государственных органах, органах местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, в Вооруженных силах РФ, других войсках и воинских формированиях Российской Федерации, а также в коммерческих организациях независимо от формы собственности и в некоммерческих организациях, не являющихся государственным органом, органом местного самоуправления, государственным или муниципальным учреждением.

В соответствии с пунктом 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» использование служебного положения (п. «б» ч. 2 ст. 282 и ч. 3 ст. 282.1 УК РФ) выражается не только в умышленном использовании указанными выше лицами своих служебных полномочий, но и в оказании влияния, исходя из значимости и авторитета занимаемой ими должности, на других лиц в целях совершения ими действий, направленных, в частности, на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе.

Как видим, разъяснения суда, касающиеся определения такой категории, как использование служебного положения, изложены весьма «туманно», носят чересчур общий и неконкретный характер, что, безусловно, затрудняет применение этого признака на практике.

При этом в целом следует понимать, что использование должностного положения и использование должностных полномочий не являются тождественными понятиями.

Однако, принимая во внимание то обстоятельство, что при совершении деяний специальным субъектом, использующим в том числе, и свое должностное положение, в любом случае происходит подрыв авторитета государственной власти, что дает возможность для выделения факультативного объекта, и это, несомненно, отражается на степени общественной опасности соответствующих деяний.

Считаем, что этим квалифицирующим признаком должны быть дополнены и ст. 280, 280.1 и 282 УК РФ.

В заключение параграфа отметим следующее.

1. В обязательном порядке в законодательстве должна быть предусмотрена экстремистская мотивация, при этом она должна включать в себя основные признаки, характеризующие ее, а именно: полное непризнание оппонентов (потерпевших) по признакам их политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной принадлежности, проявляющееся в посягательствах или уничтожении оппонентов в процессе исполнения преступлений экстремистской направленности.

2. Учитывая то обстоятельство, что анализируемые действия могут совершать специальные субъекты, использующие свои служебные полномочия, можно сделать вывод о том, что в преступлениях, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 282, ч. 3 ст. 282.1, ч. 3 ст. 282.2, ч. 2 ст. 282.2 УК РФ, возможно выделение факультативных объектов, что, несомненно, отражается на степени общественной опасности соответствующих деяний. Считаем, что этим

квалифицирующим признаком должны быть дополнены соответствующие статьи УК РФ.

2.3. Вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности, предусмотренных главой 29 УК РФ

В данном параграфе считаем необходимым рассмотреть особенности квалификации отдельных преступлений экстремистской направленности, предусмотренных главой 29 УК РФ, с учетом сложившейся судебной следственной практики, в том числе затрагивающие вопросы конкуренции и совокупности преступлений.

Так, например, наличие в одном деянии лица признаков составов ст. 280 и ст. 282 УК РФ, по мнению некоторых исследователей, следует оценивать по правилам разрешения конкуренции специальных норм и квалифицировать содеянное по ст. 282 УК РФ¹. Соотношение же норм ст.ст. 280 и 280.1 УК РФ необходимо характеризовать как конкуренцию общей и специальной норм и применять при установлении в деянии лица признаков обеих состав ст. 280.1 УК РФ.

Что касается других преступлений, то следует отметить следующее.

В частности, анализ особенностей квалификации преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества», показывает, что наиболее дискуссионным как в науке, так и в деятельности правоприменительных органов является вопрос отнесения сообщества к экстремистскому.

Рассмотрение правоприменительной практики ст. 282.1 УК РФ свидетельствует о том, что в основном к таковым относятся сообщества религиозного толка (Ваххабитские и языческие группировки: «Хизб ут-Тахрир», «Джамаат таблиг», «Нурджулар», «Язычники-родноверы», «Родная вера» и т.д.),

¹ См.: Степанов В.В., Струков А.В. Проблемы разрешения конкуренции составов преступлений экстремистской направленности / В.В. Степанов, А.В. Струков // Вестник Пермского университета. – 2015. - Вып. 1 (27). – С. 139.

а также ультраправые националистические организации («Народная национальная партия», «Русское национальное единство», «Славянский союз», «Движение против нелегальной иммиграции», «Русский образ», «Союз офицеров», «Партия Свободы», «Blood & Honour Russia», «Combat 18 Russia», «Mad crowd», «Шульц-88», «Легион Вервольф», «Формат-18» и т.д.). По мнению, А.В. Петрянина, это свидетельствуют о том, что судебные органы оценивают экстремистские сообщества в первую очередь по их радикальной национально-религиозной принадлежности¹.

Вот несколько примеров. Р. был признан виновным в организации экстремистского сообщества (ч. 1 ст. 282.1 УК РФ), а именно региональной организации «Русское Национальное Единство». В 2009 г. Р. была создана общественная организация НРОО «РНЕ», включающая в себя пять человек, имеющая свою структуру и лидера. Основной целью деятельности этой организации являлось распространение националистических идей, возбуждение национальной и религиозной вражды к лицам неславянской национальности².

Большинство уголовных дел, возбужденных по ст. 282.1 УК РФ, квалифицируется по совокупности с иными составами преступлений, как экстремистского, так и общеуголовного характера.

При этом большая часть из них квалифицируются по совокупности со ст. 282 УК РФ. В связи с этим, полагаем, что представленная совокупность подтверждает экстремистскую мотивацию участников экстремистского сообщества, что в том числе и ложится в основу обоснования признаков, не только закрепленных в ст. 282 УК РФ, но и признаков ст. 282.1 УК РФ. В частности, в диспозиции данной статьи прямо указано: «Создание экстремистского сообщества, ... для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности...».

¹ Петрянин А.В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты / А.В. Петрянин: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2014. – С. 274.

² Дело Р. Приговор Нижегородского областного суда за 2009 г. Уголовное дело № 245196. – Режим доступа: <http://oblsudnn.ru>. – Архив Нижегородского областного суда.

Предпринятый законодательный подход, по нашему мнению, четко указывает на то, что квалификация действий лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 282.1 УК РФ, без наличия в их противоправных актах иных предикатных деяний экстремистской направленности будет являться необоснованной.

Этой позиции придерживаются также П.В. Агапов, отмечающие, что определяющими факторами квалификации действий виновных по ст. 282.1 УК РФ являются не только характер организованности соответствующей экстремистской структуры, но и совершение ее участниками иных преступлений экстремистской направленности, чаще всего насильственного характера¹.

По результатам исследования материалов уголовных дел нами было установлено, что дополнительные преступные действия, совершаемые виновными в рамках преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, как раз и подтверждают высокий уровень организации экстремистского сообщества и его цели.

Однако на практике встречаются случаи ошибочной квалификации действий лиц по ст. 282.1 УК РФ. Чаще всего, как нами уже было отмечено, данные проблемы возникают при определении признаков самого экстремистского сообщества.

Граждане К., К. и В. были осуждены по ч.ч. 1 и 2 ст. 228.1 УК РФ за организацию, руководство и участие в экстремистском сообществе. При этом суд не установил в действиях виновных всех признаков преступного сообщества. По мнению Верховного Суда РФ, созданная К. группа, хотя и объединяла лиц, разделяющих идеи неформального движения «Скинхеды», однако признаками экстремистского сообщества не обладала². Верховный Суд РФ счел необходимым отметить, что созданная группа характеризуется

¹ Агапов П. В. Организация экстремистского сообщества: проблемы квалификации и доказывания / П. В. Агапов: пособие; под науч. ред. Н.А. Лопашенко. – СПб.: Издательство СПб ун-та МВД России, 2011. – С. 15.

² См.: Кассационное определение Верховного Суда от 26 августа 2010 г. № 9-О10-40 [Элект. ресурс]. / Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «ГАРАНТ». (дата обращения 21 апреля 2017 г.)

устойчивостью, о чем свидетельствует планирование преступлений, распределение ролей, конспирация, поэтому является организованной группой. По этой причине приговор относительно осуждения К. по ч. 1 ст. 282.1 УК РФ, К. и В. – по ч. 2 ст. 282.1 УК РФ подлежит отмене, а дело – прекращению производством за отсутствием в их действиях состава данных преступлений. Схожая позиция встречается и в ряде других решений¹. Полагаем, что такая проблематика еще раз подтверждает актуальность закрепления в действующем уголовном законодательстве признаков экстремистского сообщества.

В рамках раскрытия особенностей квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 282.1 и 282.2 УК РФ, а также п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, чаще всего возникает вопрос об их совокупности. Исследование судебно-следственной практики, позволяет констатировать следующее.

Анализ приговоров по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ показал, что в большинстве случаев применения данной нормы действия виновных квалифицируются по совокупности со ст.ст. 282.1 и 282.2 УК РФ.

Например, в г. Тюмени в вечернее время члены экстремистского сообщества в количестве более десяти человек, испытывая ненависть к некоренным жителям Российской Федерации по национальному признаку, напали на проходившего мимо Г., гражданина Республики Азербайджан, повалили на землю и с целью лишения его жизни нанесли множественные удары по голове и телу потерпевшего, а также несколько ударов стеклянной бутылкой по голове и шесть ударов ножом в грудь, шею и живот Г. Смерть Г. наступила на месте происшествия. Действия виновных квалифицированы по совокупности преступлений, предусмотренных ч.ч. 1, 2 ст. 282.1, п.п. «ж», «д», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ»².

Считаем, что это еще раз подчеркивает обоснование признаков, закрепленных в данных статьях, в первую очередь указывающих на совершение

¹ См., например: Дело Ж. Приговор Ленинского районного суда г. Екатеринбурга за 2010 г. Уголовное дело № 169430. – Режим доступа: <http://leninskyeka.svd.sudrf.ru>. – Архив Ленинского районного суда г. Екатеринбурга.

² Дело Б. и др. Приговор Тюменского областного суда за 2014 г. Уголовное дело № 270490.

противоправных действий, основанных на экстремистской мотивации. Учитывая, что основной идеей доминирующего количества экстремистских сообществ и экстремистских организаций является уничтожение оппонентов, преступления против жизни и здоровья представляют собой основу их противоправной деятельности и наиболее часто встречаются в рамках правовой оценки экстремистских деяний.

Однако в рамках квалификации преступлений экстремистской направленности не исключаются случаи квалификации действий виновных исключительно по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, без какой-либо совокупности.

По нашему мнению, это никаким образом не нарушает правил квалификации, так как экстремистская мотивация, закрепленная в пункте «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, может выступать в качестве самостоятельного криминообразующего признака, тем самым, исключая наличие обязательного условия дополнительной квалификации по ст.ст. 282.1 или 282.2 УК РФ в случае отсутствия признаков данных преступлений в действиях виновных.

Например, Б. и С., действуя умышленно, с целью убийства, по мотивам национальной ненависти к лицам неславянской национальности и из хулиганских побуждений, руководствуясь явным неуважением к обществу и общепринятым нормам морали, желая противопоставить себя окружающим, продемонстрировать пренебрежительное к ним отношение, по предварительному сговору проследовали внутрь торгового помещения «Шаурма», расположенного на территории автостанции «Канавинской», где напали на М. и нанесли ему поочередно руками и находившимся в указанном торговом помещении чайником, используя его в качестве оружия, не менее восьми ударов в область головы, шеи и туловища. После этого Б. и С., вооружившись имевшимся у них ножом, используя его в качестве оружия, нанесли также поочередно М. четыре удара в область спины и шеи, в результате чего потерпевший скончался на месте. Действия виновных квалифицированы по п.п. «ж», «и», «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ¹.

¹ Дело Б. и др. Приговор Городского суда г. Москвы за 2015 г. Уголовное дело № 127535. – Режим доступа: <http://www.mos-gorsud.ru>. – Архив Городского суда г. Москвы.

Исследуя особенности квалификации ст. 282.2 УК РФ, также обнаруживаем отсутствие единого подхода к ее применению.

Анализ судебно-следственной практики показал наличие двух принципиально отличающихся друг от друга способов правовой оценки этого преступления.

Что касается первого подхода, то по мнению Е.Ю. Антоновой, в основу его применения положена отработанная практика по ст. 282.1 УК РФ, указывающая на наличие в доминирующем своем большинстве совокупности с иным деянием, основанным на экстремистской мотивации¹. Однако, с нашей точки зрения, эти действия содержат в себе принципиально отличающиеся фундаментальные признаки, что четко указывает на невозможность применения аналогичных подходов при их правовой оценке.

Основные отличия заключаются, в первую очередь, в признаках экстремистского сообщества и экстремистской организации.

Так, экстремистское сообщество по своему определению представляет собой криминальную структуру, основной целью которой выступает подготовка или совершение преступлений экстремистской направленности. Экстремистская же организация приобретает форму запрещенной только в случае наличия судебного запрета на осуществление своей деятельности, что не является признаком экстремистского сообщества.

При этом деятельность экстремистской организации рассматривается как преступная вне зависимости от ее целей.

Однако, как отмечают некоторые ученые, в деятельности правоохранительных органов встречаются случаи, когда объединение, признанное судом экстремистской организацией, обладая при этом признаками экстремистского сообщества, совершает преступления экстремистской направленности².

¹ Антонова Е.Ю. Преступления террористического характера и экстремистской направленности: вопросы криминализации и пенализации / Е.Ю. Антонова // Российский следователь. – 2016. - № 13. – С. 21.

² См.: Борисов С.В. и др. Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: теория и практика / С.В. Борисов, А.П.

На наш взгляд, в этих случаях содеянное квалифицируется по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 282.1 и 282.2 УК РФ и иными составами, основанными на экстремистской мотивации.

Второй подход, реализуемый в рамках применения анализируемой статьи, показал, что в значительном количестве отсутствует совокупность с иными составами преступлений. Некоторые исследователи считают, что он полностью обоснован и является наиболее верным, исходя из признаков преступления, закрепленных в ст. 282.2 УК РФ, не устанавливающих в качестве обязательного условия наличия в действиях виновных дополнительных противоправных деяний¹.

Исследование судебно-следственной практики показывает наличие еще одной существенной проблемы в рамках правовой оценки деяний, содержащих в себе признаки экстремизма.

В частности, это касается установления признаков, закрепленных в ч.2 ст. 214 УК РФ «Вандализм».

Так, в соответствии с разъяснениями, данными в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» отмечено, что если наряду с вандализмом совершены действия, предусмотренные ст. 282 УК РФ, содеянное квалифицируется по совокупности со ст. 282 УК РФ, а в некоторых случаях и со ст. 280 УК РФ.

И в этом вопросе возникает проблема отнесения надписей или рисунков к экстремистским, так как именно от этого зависит квалификация деяний².

В случае изображения недоступных для всеобщего понимания экстремистских текстов и рисунков, в соответствии со сложившейся судебно-

Дмитренко, В.А. Осипов и др.; отв. ред. Н.Г. Кадников. – М.: Юриспруденция, 2012. – С. 38.

¹ См.: Карлин А.Б., Плаксина Т.А. Некоторые проблемы применения ст. 282-2 УК РФ / А.Б. Карлин, Т.А. Плаксина // Известия Алтайского государственного университета. – 2012. – Вып. 2 (74). – С. 99.

² См.: Плаксина Т.А. Вандализм, совершенный по экстремистским мотивам: некоторые проблемы правоприменительной практики / Т.А. Плаксина // Актуальные проблемы уголовного закона: сборник научных статей. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. - Вып. 2. – С. 71.

следственной практикой, действия виновных охватываются только ч. 2 ст. 214 УК РФ.

Эта же квалификация применяется и при размещении общеизвестной нацистской символики, символики, сходной с нацистской до степени смешения, символики экстремистских организаций, оскорбительных изображений знаков или эмблем религиозной, мировоззренческой символики РФ.

В случае изображения доступных для всеобщего понимания материалов, направленных на разжигание ненависти и вражды или унижение человеческого достоинства, деяние квалифицируется по совокупности ч. 2 ст. 214 и ч. 1 ст. 282 УК РФ.

В случае нанесения надписей, содержащих доступные для всеобщего понимания экстремистские призывы на совершение преступлений, действия виновных содержат в себе признаки ч. 2 ст. 214 и ч. 1 ст. 280 УК РФ.

В случае размещения доступных для всеобщего понимания экстремистских призывов к совершению иных дискриминационных, но при этом не преступных действий они оцениваются в рамках ч. 2 ст. 214 и ч. 1 ст. 282 УК РФ.

В заключении данного параграфа следует сделать следующие выводы.

1. Проведенный анализ применения норм, регламентирующих ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности, показал отсутствие однообразной практики их применения, что указывает на пробелы и противоречивость ст.ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2 УК РФ.

2. Сопоставление норм ст.ст. 280 и 280.1 УК РФ необходимо определять, как конкуренцию общей и специальной норм и применять при установлении в деянии лица признаков обеих состав ст. 280.1 УК РФ.

3. Анализ особенностей квалификации преступления, предусмотренного ст. 282.1 УК РФ «Организация экстремистского сообщества», показывает, что наиболее обсуждаемым как в науке, так и в деятельности правоприменительных органов является вопрос причисления сообщества к экстремистскому. Большая

часть уголовных дел, возбужденных по ст. 282.1 УК РФ, квалифицируется по совокупности с иными составами преступлений, как экстремистского, так и общеуголовного характера. При этом большая часть из них квалифицируются по совокупности со ст. 282 УК РФ. В связи с этим, полагаем, что представленная совокупность доказывает экстремистскую мотивацию участников экстремистского сообщества, что в том числе и ложится в основу определения признаков, не только закрепленных в ст. 282 УК РФ, но и признаков ст. 282.1 УК РФ. В частности, в диспозиции данной статьи прямо указано: «Создание экстремистского сообщества, ... для подготовки или совершения преступлений экстремистской направленности...». Предпринятый законодательный подход, по нашему мнению, четко указывает на то, что квалификация действий лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 282.1 УК РФ, без присутствия в их противоправных актах иных предикатных деяний экстремистской направленности будет являться необоснованной.

4. В рамках раскрытия особенностей квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 282.1 и 282.2 УК РФ, а также п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, чаще всего возникает вопрос об их совокупности. Исследование судебно-следственной практики, позволяет констатировать следующее. Анализ приговоров по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ показал, что в большинстве случаев применения данной нормы действия виновных квалифицируются по совокупности со ст.ст. 282.1 и 282.2 УК РФ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение необходимо констатировать, что проведенное исследование по указанной теме в рамках магистерской диссертации, позволило сформулировать следующие основные выводы:

1. Экстремизм как социально-политическое явление зародился задолго до появления термина, обозначающего его. Ретроспективный анализ генезиса норм, устанавливающих ответственность за преступления экстремистской направленности, позволяет условно выделить несколько этапов становления и развития законодательной концепции в области противодействия действиям, содержащим признаки экстремизма. При этом следует констатировать, что до принятия Федерального закона № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» в нашей стране были уже созданы законодательные основы противодействия экстремизму. В данных нормативно-правовых актах, как правило, указывалось на необходимость разработки мер, направленных на предупреждение и устранение причин и условий, способствующих проявлению различных форм экстремизма, но не был разработан механизм противодействия противоправным действиям экстремистского характера.

2. На протяжении развития уголовного законодательства в области борьбы с криминальными формами экстремистских проявлений основным фактором, негативно влияющим на качество противодействия преступлениям экстремистской направленности, является отсутствие четкого определения конструктивных признаков этих деяний, позволяющих идентифицировать их и отличать от смежных преступлений. Предпринимаемые на различных исторических этапах попытки систематизации преступлений экстремистской направленности указывают на значимость этого направления и сегодня в целях определения их исчерпывающего перечня.

3. Считаю вполне обоснованным и аргументированным выделение двух самостоятельных групп преступлений, образующих самостоятельные системы:

преступления экстремистской направленности; действия, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

4. Необходимо в новой редакции сформулировать примечание 1 к ст. 282.1 УК РФ, следующего содержания: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, предусмотренные ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207, 208, 212, 239, 277, 278, 279, 280, 280.1, 281, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 354.1, 357, 360 УК РФ».

5. На основании вышеизложенного, предлагаемая нами система должна выглядеть следующим образом:

1) преступления, причиняющие вред общественным отношениям, обеспечивающим охрану общественной безопасности России (ст.ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 207, 208, 212 УК РФ);

2) действия, посягающие на общественные отношения, регулирующие нормальное функционирование конституционного строя Российской Федерации (ст.ст. 239, 277, 278, 279, 280, 280.1, 281, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ);

3) действия, наносящие ущерб общественным отношениям, устанавливающим легитимные условия сохранения мира и безопасности человечества (ст.ст. 354.1, 357, 360 УК РФ).

6. Необходимо предусмотреть отягчающий признак в ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», в ст. 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» и ст. 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» следующего содержания: те же действия, совершенные с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть Интернет).

7. Экстремистское сообщество является самостоятельной разновидностью преступного сообщества, и по этой причине предлагаем исключить из диспозиции статьи 282.1 УК РФ словосочетание «то есть организованной группы лиц».

8. В законодательстве должна быть в обязательном порядке закреплена экстремистская мотивация, при этом она должна содержать в себе основные признаки, характеризующие ее, а именно: полное отрицание оппонентов (потерпевших) по признакам их политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной принадлежности, выражающееся в посягательствах или уничтожении оппонентов в процессе совершения преступлений экстремистской направленности.

9. Принимая во внимание то обстоятельство, что анализируемые действия могут совершать специальные субъекты, использующие свои служебные полномочия, можно сделать вывод о том, что в преступлениях, предусмотренных п. «б» ч. 2 ст. 282, ч. 3 ст. 282.1, ч. 3 ст. 282.2, ч. 2 ст. 282.2 УК РФ, возможно выделение факультативных объектов, что, несомненно, отражается на степени общественной опасности соответствующих деяний. Считаем, что этим квалифицирующим признаком должны быть дополнены соответствующие статьи УК РФ.

10. Проведенный анализ применения норм, регламентирующих ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности, показал отсутствие единообразной практики их реализации, что указывает на пробелы и противоречивость ст.ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2 УК РФ. Соотношение норм ст.ст. 280 и 280.1 УК РФ необходимо характеризовать как конкуренцию общей и специальной норм и применять при установлении в деянии лица признаков обеих состав ст. 280.1 УК РФ.

11. Большинство уголовных дел, возбужденных по ст. 282.1 УК РФ, квалифицируется по совокупности с иными составами преступлений, как экстремистского, так и общеуголовного характера. При этом большая часть из них квалифицируются по совокупности со ст. 282 УК РФ. Предпринятый

законодательный подход, по нашему мнению, четко указывает на то, что квалификация действий лиц, совершивших преступление, предусмотренное ст. 282.1 УК РФ, без наличия в их противоправных актах иных предикатных деяний экстремистской направленности будет являться необоснованной.

12. В рамках раскрытия особенностей квалификации преступлений, предусмотренных ст.ст. 282.1 и 282.2 УК РФ, а также п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ, чаще всего возникает вопрос об их совокупности. Исследование судебно-следственной практики, позволяет констатировать следующее. Анализ приговоров по п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ показал, что в большинстве случаев применения данной нормы действия виновных квалифицируются по совокупности со ст.ст. 282.1 и 282.2 УК РФ.